

ЗНАМЯ

апрель

Наталья ИВАНОВА
Случай Маканина

Светлана КЕКОВА
Короткие письма

Новелла МАТВЕЕВА
Множимый сводами вздох

Вячеслав ПЬЕЦУХ
Русские анекдоты

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО
Вологодчина и Кубань

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ
Похвала Равнодушию

Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН
**Русский град
в израильском царстве**

4/97

ЗНАМЯ

Ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал

выходит с января 1931 года

с о д е р ж а н и е

Новелла МАТВЕЕВА	3	Множимый сводами вздох. <i>Стихи</i>
Вячеслав ПЬЕЦУХ	11	Русские анекдоты
Светлана КЕКОВА	21	Короткие письма. <i>Стихи</i>
Людмила АГЕЕВА	25	В том краю. <i>Рассказ</i>
Денис НОВИКОВ	41	Сокрытое от оптики. <i>Стихи</i>
Даур ЗАНТАРИЯ	44	Золотое Колесо. <i>Роман. Окончание</i>
Мария ИГНАТЬЕВА	98	Стихи, присланные из Испании
Евгения и Иосиф КУНИНЫ	104	Октаэдр. <i>Фантастический роман в двух частях</i>

м е м у а р ы . а р х и в ы . с в и д е т е л ь с т в а

Андрей СЕРГЕЕВ 139 О Бродском

п у б л и ц и с т и к а

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО 159 Вологодчина — Кубань

е д и н ы й м и р

Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН 180 Русский град в Израильском царстве

апрель

4/97

к р и т и к а

- Григорий ЧХАРТИШВИЛИ 207 Похвала Равнодушию.
Приятные рассуждения о
будущем литературы

n o m e n c l a t u r a

- Наталья ИВАНОВА 215 Случай Маканина

н а б л ю д а т е л ь

Рецензии

- Инга Кузнецова 221 Асар Эппель. Шампиньон моей
жизни
- Алексей Пурин 222 Александр Шаталов. Другая
жизнь: Стихотворения
- Татьяна Вольтская 225 Евгений Шкловский.
Заложники: Рассказы

Дважды

- Алена Злобина 227 И. С. Тургенев. Месяц в
деревне. Мастерская Петра
Фоменко; И. С. Тургенев.
Маленькие комедии. Театр на
Малой Бронной: Постановка
Сергея Женовача
- Юлия Тарантул 229 И. С. Тургенев. Маленькие
комедии. Спектакль в трех
действиях. Театр на Малой
Бронной: Режиссер Сергей
Женовач
- Галина Онуфриенко 231 Манеж в ожидании чуда

О себе

- Дина Рубина 233
- В. Кардин 235 А. Г. Тартаковский.
Неразгаданный Барклай:
Легенды и быль 1812 года

Незнакомый журнал

- Лариса Токарь 238 «Перекресток» («Цомет»).
Москва — Тель-Авив

Эйтан Финкельштейн

Русский град

в Израильском царстве

1. «Как некрасиво, т. Ленин!»

Полуночный звонок из Иерусалима не предвещал ничего хорошего. Звонил сотрудник, аккредитованный в Кнессете¹. Это был бездельный и ужасно надоедливый тип. В газету его засунули как потомственного маарахника² — его дед когда-то оказал важную услугу Бен Гуриону, а отец заседал в правлении Гистадрута³, но журналист он был слабый, толковой статьи добиться от него было невозможно. Своим долгом, однако, считал он звонить мне чуть ли не за полночь; морочил голову сплетнями из иерусалимских коридоров. Всякий слух: кто против, а кто за, кого «непременно» снимут, а кого «уже» назначили, преподносил он тоном заговорщика, проникшего в святая святых. Послать его ко всем чертям я не решался, но всякий раз старался свести разговор к минимуму.

На этот раз он и сам был немногословен.

— Адони⁴, ты ведь читаешь по-русски? Так вот, эти мерзавцы решили ликвидировать русский фонд в библиотеке; русские книги уже выносят в коридор. Приезжай завтра с утра — заберешь все, что захочешь, иначе их просто выбросят на свалку...

Тут я должен кое-что пояснить. Год шел 1978-й, страна все еще переваривала приход к власти Бегина и его партии Ликкуд⁵, маарахники, особенно из числа кадровых функционеров, что тридцать лет правили страной, не могли свыкнуться с мыслью, что отстранены и от руля, и от кормила. Так что «мерзавцами» в устах моего сотрудника были члены Кнессета — ликкудники. Понятно, все, что бы они ни сделали, сразу же становилось «предательством», «катастрофой» и тому подобным.

Признаюсь, звонок меня озадачил. Запросто махнуть в Иерусалим я не мог. Жил я тогда в Ра'анане, редакция находилась в центре Тель-Авива, на дорогу уходил чуть ли не час, да и работы было невпроворот: людей у нас было немного, тексты набирали на композере, газету макетировали вручную, поправки тоже вклеивали собственными ручками. А еще редактирование, а еще вечные обиды авторов, капризы сотрудников, не говоря уж о том, что иногда и самому хотелось что-то написать... Одним словом, свободного времени не было вовсе.

И все же, — русские книги, да еще из Кнессета!

Должен сказать, что в ту пору в Тель-Авиве был всего лишь один магазин русской книги. Держал его забавный старичок Яков Тверский. В кипе, с короткой трубкой в зубах он был приветлив, старался угодить клиенту. Меня он знал много лет, но неизменно встречал вопросом: «Как это такой молодой человек интересуется русскими книгами?». Подразумевалось, что русские книги — удел стариков. К слову сказать, думал так не один Тверский. И все же, несмотря на приветливость хозяина, найти что-либо дельное в его лавке было трудно: книги там содержались плохо, валялись где придется и как придется. Главное же, новых книг Тверский не закупал — мысль приобретать их в России в те годы и в голову не приходила. Так что мы, любители русской словесности, разживались новыми книгами, как правило, в Париже или Мюнхене.

Так ехать или не ехать в Иерусалим? Я долго колебался, но в конце концов страсть книголюбца взяла верх над служебным долгом, я позвонил кому-то из сотруд-

¹ Кнессет — парламент Израиля.

² Маарахник — член левоцентристского партийного блока Маарах.

³ Гистадрут — профсоюзное объединение, находившееся под контролем партии Маарах.

⁴ Адони — господин, неформально — приятель, старина (иврит).

⁵ Ликкуд — блок правых партий.

ников, предупредил, что появлюсь в редакции во второй половине дня, и с утра пораньше помчался в Иерусалим.

Никакой свалки в библиотечном коридоре я не обнаружил. Картонные ящики с наклейкой «русí» — русские — аккуратно стояли вдоль стены. Выбрасывать их, да и отдавать первому встречному никто не собирался. Пришлось пустить в ход журналистское удостоверение, сделать несколько звонков важным лицам и подписать полдюжины расписок. Но когда формальности закончились, директор библиотеки сбросил с себя важный вид, засучил рукава и вместе со мной принялся таскать ящики и укладывать их в мой огромный «форд».

Газетчиков тогда уважали, да и нравы были попроще!

Встала, однако, проблема: где все это разместить? Гаража ни у меня, ни у кого из знакомых не было, искать же склад было занятием долгим и муторным. В конце концов мне не осталось ничего другого, как свезти книги домой и захламить ими всю нашу, немалую, правда, квартиру. Нет худа без добра, — домашние ворчали, требовали освободить жилое пространство, все вечера я занимался тем, что распаковывал ящики, разбирал свалившееся на меня богатство.

Ждало меня жестокое разочарование.

Тома Ленина, фолианты Маркса, Мартов в бумажном переплете, Энгельс — в кожаном, мемуары Троцкого, отчеты о конференциях РСДРП и съездах ВКП(б). И снова классики марксизма, и снова уставы партий, решения съездов эсеров, меньшевиков и большевиков. Полное собрание сочинений Сталина. Герцен, Радищев, Бухарин, разрозненные тома Достоевского, Плеханов, Абрамович, десятки книг и книженок, чьи авторы были мне незнакомы.

По молодости я был правым. Правым не в том смысле, что примыкал к Ликкуду, но марксистов ненавидел, социалистов презирал, а всякие там социальные теории считал кислосенской мурой. Так что первая мысль, которая пришла мне в голову, — выбросить все это на свалку! Университетская закалка, однако, а может быть, и наследственное уважение к печатному слову не позволили и, увы, до сих пор не позволяют мне выбрасывать книги. Кончилось тем, что я разложил книги вдоль свободных стен, решив, что выбросить их всегда успею. Разложил и стал просматривать одну за другой.

Удивлению моему не было предела.

* * *

Уже разбирая ящики, я обратил внимание, что книги, даже тома из собраний сочинений, даже кожаные фолианты изрядно потрепаны; отовсюду торчали закладки, выпадали страницы, записки, газетные вырезки. Когда же я начал их просматривать, то убеждался все больше и больше: в библиотеке книги эти находились отнюдь не для украшения полок; зачитаны они были, что называется, до дыр. Да что там зачитаны, — испещрены пометками, подчеркнуты и перечеркнуты вдоль и поперек! Отдельные строки, абзацы, а то и целые страницы обведены, взяты в скобки, отмечены галочкой. То простым карандашом, то цветным, то автоматической ручкой, то перьевой. И ни одного чистого поля, — заметки, знаки вопросительные и восклицательные и снова заметки, и уже заметки на заметки. Совсем выцветшие и более свежие, по-русски, на иврит, реже по-польски или по-немецки.

«Как невкусно, т. Ленин!», «Ты видишь, Берл, он даже в критический момент не боялся раскола, и был прав!» И тут же ответ: «Ты забываешь, у них **не было англичан**. Б.». «Вот откуда наш Нахум взял эту глупость!», «И это пишет социал-демократ!», «??? Спросить у Берла», «Помнишь нашего ком-ра, Марг-на, он был кадровым в-ым, но учил нас другому!» Ответ: «т. Тр-ий выиграл войну, а наш М. пресмыкался перед англичанами!». И тут же, размашисто: «Антисемит ваш т. Тр-ий, мерзкий еврейский антисемит, т. Сталин дал ему принц-ую оценку!», «Но ведь В. И. об этом много раз писал?», «Единый фронт — пустые дела». Ответ: «Не пустые, когда строишь гос-во!». «Эли, учись у Т-го. Д.», «Это то, чего не понимает наш Меир», «Хамóр!»¹, «Ло, ло в'од пам ло!»², «т. Голда, ты видишь, как они отстаивали линию партии?», «А наши интеллигенты боятся стычек с Э-ль, смешно!»

¹ Хамóр — осел (иврит).

² Нет, нет и еще раз нет (иврит).

Я пролистывал одну книгу за другой, выискивая места, где было побольше комментариев и где их еще можно было разобрать. Это напоминало увлекательную игру: я пытался установить, кому принадлежат почерки, разобрать слова, понять, кем и кому адресованы выцветшие строки. С другой стороны, это было путешествие в написанную историю каких-то сложных, почти личных отношений между теми, кто стоял у истоков нашего государства.

Писаную историю я знал хорошо, равно как и почерки главных действующих лиц на ее сцене: Бен Гуриона, Берла Каценельсона, Хаима Вейцмана, Моше Шарета, Голды Меир и уж тем более отца нашей журналистики Нахума Сόколова. Для меня было само собой разумеющимся, что и в ишув¹, и после провозглашения государства между сторонниками МАПАМ² и Херут³ шла жестокая драка. Они, похоже, ненавидели друг друга больше, чем каждый из них ненавидел англичан. Ни для кого в стране не было секретом, что «Альталену» — пароход с оружием и эмигрантами-сторонниками Херута — Хагана⁴, как шептались, потопила по личному приказу Бен Гуриона. Так что заметка, сделанная его рукой на полях одного из томиков Троцкого: «Эли, если бы ты прочел эти строки, то не искал бы (вместе с Берлом) дружбы с Ж.», сказала мне о многом. «Эли» — это, конечно же, Элияху Голомб, командир Пальмаха⁵, основатель наших вооруженных сил, между прочим, свояк Бен Гуриона. «Берл», понятно, Каценельсон, единственный человек, которого Старик (Бен Гурион) слушал. Слова же его означали, что ближайшие его соратники искали контакты с «Ж», безусловно, с Жаботинским⁶. Что-то об этом было известно, но считалось, что Каценельсон и Голомб действуют с согласия Старика. А оно вот как было на самом деле!

Чуть ли не год я возился с книгами из Кнессета, все больше и больше убеждаясь, что стою на пороге какого-то важного открытия. Мне стало ясно, что недолгая, прошедшая на глазах и вызубренная наизусть, история нашего маленького государства в действительности полна белых пятен и неразгаданных тайн, соткана не только из фактов и событий достоверных, но и из мифов и легенд. И еще я понял, что закончился, навсегда ушел очень важный, очень яркий и очень загадочный отрезок истории нашей страны. Что-то изменилось во мне; меня больше не раздражали партийные словечки, не выводили из себя ненавистные имена. Я смотрел на перекочевавшие из Кнессета книги и думал: вот где еще хранится дух отцов-основателей, вот где еще живы их человеческие эмоции и неотшлифованные мысли, не внесенные в историю споры, подлинные симпатии и антипатии. Каким чудом все это попало в мой дом, зачем мне суждено было узнать эти тайны? Быть может, на мою долю выпала роль Хеврат Кадиша⁷: покойника перевезли в домик на кладбище, чтобы обмыть, завернуть в саван и через какое-то время предать земле...

* * *

На тему первой, а особенно второй алии⁸ историки Израиля и сионизма написали бесконечное множество книг. Понятно, никому и в голову не приходило скрывать, что пионеры Израиля в большинстве своем были выходцами из России. Удивительно, но дальше констатации этого факта никто не шел. Вот что пишет, к примеру, английский историк Мартин Гильберт в своей книге «The Jews of Russia»: «На протяжении первых 25 лет существования государства Израиль ведущую роль в политической, экономической и культурной жизни страны играли евреи — уроженцы России. Четыре первых президента Израиля и четыре же первых премьер-министра страны были выходцами из

¹ Ишув — еврейская община в Палестине во времена турецкого и британского правления.

² МАПАМ — левосоциалистическая сионистская рабочая партия.

³ Херут — праворадикальная сионистская партия, вокруг которой сформировался блок Ликкуд.

⁴ Хагана — подпольная еврейская армия в Палестине во времена британского правления.

⁵ Пальмах — ударные части подпольной еврейской армии Хаганы.

⁶ Владимир (Зеев) Жаботинский — русский журналист, идеолог правого течения в сионизме, основатель партии сионистов-ревизионистов.

⁷ Хеврат Кадиша — похоронное общество.

⁸ Алия (иврит) — дословно — восхождение, здесь — волна эмиграции в Палестину (Израиль).

России». И ссылаясь на справочник «Who's Who in Israel. 1960», добавляет: «Из 73 членов Кнессета 52 родились в России». И все, точка.

От школьных учителей, из рассказов дедушек и бабушек, из самого, кажется, воздуха всякий израильтянин знает, что заселение страны началось в конце прошлого века, когда какие-то молодые люди в Харькове и Одессе сжигали свои дипломы и отправлялись работать батраками в дикую, полупустынную Палестину. Уже не из школы и не от дедушек и бабушек, но из справочников и энциклопедий каждый израильтянин мог узнать, что отец-основатель еврейского государства когда-то носил фамилию Грин и ходил в школу в городе Плонске, что легендарный Иосиф Трумпельдор отличился не только в борьбе с арабскими бандами, но и был полным георгиевским кавалером, героем русско-японской войны, что основателем первых промышленных предприятий в подмандатной Палестине был сибиряк в третьем поколении, горный инженер из Иркутска Моисей Новомейский, а другой инженер, осуществивший электрификацию Палестины, Петр Рутенберг был когда-то видным эсером, другом Бориса Савинкова, вице-губернатором Петрограда...

Узнать это мог не только пылливый умник или усердный книголюб. Русское начало, русские корни еврейского государства пробивались на поверхность нашей жизни в виде названий улиц, кибуц¹, университетов, больниц и даже ешивот². Кибуц Кфар-Ольга (деревня Ольги) и академия Рубина, институт имени Вейсмана и дом журналистов имени Соболева, больница имени Бродецкого и ешива рабби Черномыльского. Не говоря уж о том, что в каждом городе есть улица Жаботинского, Арлозорова, Борохова...

Удивительно, но наше общество старалось не замечать «русского начала» в своей истории, делало вид, что его как бы и не существует. Еще десять-двадцать лет назад считалось дурным тоном спросить израильтянина, откуда родом его дедушка и какую фамилию носил он до приезда в Палестину. В России это было бы понятно: если ваш дедушка до 1917 года был дворянином или, упаси бог, полицейским, факт этот надо было тщательно скрывать. У нас не было ни ВЧК, ни НКВД, ни КГБ. Так почему же израильское общество так беспощадно стирало из памяти свое прошлое?

Тон задал все тот же отец-основатель еврейского государства. С неукротимой энергией Бен Гурион не только боролся за гегемонию рабочего класса в сионистском движении и в органах зарождающегося государства, но и вел войну против языка идиш (любозытно, что в это же время Ленин вел войну с ивритом и в конце концов запретил этот язык в советской России), против социальных устоев и культурных традиций, завезенных в Палестину из диаспоры. Идеологическая догма сионизма по Бен Гуриону, согласно которой Галут³ — это лишь рабство и унижение, а галутный еврей — существо жалкое, если не презренное, сделалась нормой общественного сознания и остается ею по сей день.

Позволю себе маленькое отступление. Однажды я гостил у старого кибуцника, одного из последних «погонщиков мулов»⁴, хотел узнать кое-какие детали галиппольской экспедиции. Мы поговорили о тех далеких временах, я собрался, было, уходить, но тут старик неожиданно задал мне вопрос: «Вы часто пишете о преследованиях в Советском Союзе, а знаете ли вы имя академика Лысенко, почему этого заслуженного ученого преследуют власти, он ведь, кажется, не еврей?» Оказалось, старый кибуцник был доктором почвоведения, хорошо знал положение дел в своей науке. Я с пеной у рта стал доказывать, что Лысенко — негодяй, погубивший советскую генетику. Старик сердито возражал, закашлялся и вышел в сопровождении жены на кухню. «Прошу тебя, дорогой, не затевай, пожалуйста, спора, разве ты не видишь, этот молодой человек одурочен недобросовестной молвой». Они еще долго говорили на кухне, а я не мог прийти в себя от удивления. Вначале я даже не понял, на каком языке они говорят. Конечно, это был русский язык, но тот, на котором говорили Бунин и Набоков, но никак не мои знакомые из России. «Как вашим родителям удалось сохранить такой красивый русский язык?» — спросил я у сына старого кибуцника. «О, это интересная история. Когда они прибыли сюда 60 лет

¹ Кибуц — коллективное сельскохозяйственное поселение.

² Ешива — высшая талмудическая школа.

³ Галут — диаспора, рассеяние (иврит).

⁴ «Корпус погонщиков мулов» — воинская часть в британской армии времен первой мировой войны, набиравшаяся из палестинских евреев.

назад и основали этот вот киббуц, то поклялись никогда больше не говорить по-русски. И пятьдесят лет не говорили. Только недавно начали...»

Не подумайте, что Бен Гурион руководил комплекс маленького человека из местечка, возомнившего себя библейским героем. Ничуть не бывало, Бен Гурион, несмотря на свой малюсенький рост, был человеком без комплексов и всегда знал, чего хотел. А хотел наш еврейский Ленин создать нового человека: не торговца, но крестьянина, не талмудиста, но война. Этот супермен, которого в дальнейшем нарекли «сабра»¹, не должен был ничего знать об унижительном прошлом своего народа; его единственной родиной должны были стать библейские холмы, его единственным языком должен был стать язык Библии, иврит, его героями и образцом для подражания — братья Маккавеи.

* * *

И то сказать, были в сионизме большие умы, мудрецы и ученые. Ахад-Гаам, Мартин Бубер, Иеша'яху Лейбович, другие. Они-то знали, что без прошлого нет будущего, они знали, что Галут — это не только унижение, но и образ жизни, традиция, культура, благодаря которым евреи пережили века, они знали, что на языке идиш говорит 90% всего народа, они понимали, к чему приведет лозунг Бен Гуриона: «Мы не станем полноценной нацией, пока у нас не будет своих убийц и своих проституток». Но Ахад-Гаам сидел в Лондоне, Бубер — в Берлине, Лейбович — в Базеле, а Бен Гурион со товарищи — в гуще народной, среди тех, кто по велению сердца или по воле судьбы оказался в далекой Палестине. Простые, часто слабые люди (сильные неплохо устроились у себя дома или уезжали в Америку), они были призваны совершить великие дела: превратить пустыню — в прямом смысле — в цветущий сад, осушить болота, возвести города. Они должны были научиться не умирать от жары летом и от холода зимой. Они, часто бежавшие от воинской службы в своих странах, должны были ходить в дозор, стрелять, убивать. И они никогда не вынесли бы того, что пришлось им вынести, никогда не сумели бы создать то, что создали, если бы хоть на минуту усомнились, что на их долю выпала высокая миссия: возвести стены замка, под сводами которого когда-нибудь соберется народ Израилев. А эти сабры — высокие, поджарые мальчишки, выросшие в киббуцах на воле и на свежих фруктах? Разве они могли бы выиграть четыре больших и бесчисленное количество малых войн, если бы не поверили в свое предназначение, в свои сверхчеловеческие возможности?

Все вышло по Бен Гуриону. Сказка стала былью, а идеологические догмы сионистов-социалистов — законами государства, нормами общественного сознания. Государственным языком стал иврит, в школах изучали Танах² в качестве истории и Эрец-Исраэль³ в качестве географии. Не уметь отличить киббуц от мошава⁴ для израильского школьника считалось большим преступлением, чем спутать Бельгию с Бразилией. (Много лет назад я собрался съездить в Европу и должен был получить на то разрешение от армии. Я приехал в спецотдел своей части и протянул девушке-лейтенанту анкету. В графе «куда направляетесь» написал «Мюнхен, Германия». Лейтенант взглянула на анкету, спросила: «Мюнхен — это Западная Германия или Восточная? В Восточную вам нельзя». — «Западная», — сказал я. — «А откуда вы знаете?» — «В школе учился.» Девушка с подозрением взглянула на меня, подняла трубку и задала тот же вопрос своему начальнику). В промышленности доминировали крупные государственные предприятия, в сельском хозяйстве — киббуцы, власть Гистадрута была неограниченной: без красной книжечки члена профсоюза на работу не брали. Владельцев автомобилей и собственных вилл можно было сосчитать по пальцам, на человека при галстукке бросали презрительный взгляд; отложной воротничок, шорты и сандалии на босую ногу стали символом настоящего израильянина, человека, который говорит на языке предков и видит во сне не черное прошлое, а светлое будущее...

¹ Сабра (иврит) — дословно — кактус. Так принято называть уроженцев страны.

² Танах — Библия, в русской традиции — Ветхий Завет.

³ Эрец-Исраэль — Земля (или страна) Израиля.

⁴ Мошав — индивидуальная сельскохозяйственная ферма.

* * *

В те первые годы независимости у «русского прошлого» еще был шанс стать израильским настоящим. Идеология идеологией, но 600 тысяч евреев Палестины противостояли многомиллионному арабскому миру; стране нужны были новые граждане, так же, как самим этим гражданам нужны были воздух и вода. Все, кого можно было собрать в послевоенной Европе, были собраны; таких набралось десятки тысяч; требовались сотни тысяч, еще лучше — миллионы...

Миллионы были заперты за железным занавесом.

Первым послом государства Израиль в Москве стала Голда Меерсон (Меир). Стала не случайно. В иерархии сионистского истеблишмента ей принадлежала ступенька, позволявшая занять министерское кресло, но отправилась Голда в Москву. Не для того, однако, чтобы тянуть дипломатическую ляжку.

О перипетиях Голды Меир — посла Израиля в Москве 1948—1949 гг. — ходит много легенд. Рассказывают, будто Голда собирала списки евреев-добровольцев, пыталась договориться со Сталиным, чтобы тот отправил их в Израиль, на нее возлагают ответственность за арест Полины Жемчужиной-Молотовой. Сама Голда отрицала, что когда-либо виделась со Сталиным, передавала ему какие-либо списки, а с Жемчужиной, по ее утверждению, виделась лишь однажды на официальном приеме. Голда даже выиграла судебный процесс с авторитетным американским журналом «Commentary», который поместил статью некоего советского эмигранта, утверждавшего, будто бы бестия-Сталин обвел вокруг пальца Голду Меир. Он, дескать, предложил ей подать списки людей, желающих уехать в Израиль, Голда такие списки представила, но Сталин отправил подписантов не на Ближний Восток, а в лагеря ГУЛАГа. Как бы там ни было, со Сталиным ничего не получилось. То ли Голда не сумела найти подход к хозяину Кремля, то ли отец народов уже передумал и решил не использовать «еврейскую карту» в игре против англичан на Ближнем Востоке, а приберечь ее для замышляемой им грандиозной кампании под названием «борьба с космополитизмом».

Провал миссии Голды Меир в Москве не оставлял Бен Гуриону выбора, он распорядился привозить евреев откуда только возможно. А возможно было из Северной Африки и с Ближнего Востока. В результате более полумиллиона жителей Марокко и Египта, Ирака и Йемена, Сирии и Туниса, Алжира и Ирана стали гражданами Израиля в первые десять лет существования этой страны. Правда, одно дело вручить человеку паспорт государства Израиль, другое — заставить его разделить идею, лежащую в основе еврейской государственности, идею гражданскую, европейскую по своему происхождению и по своей сути. Впрочем, если идея еврейского государства хоть в какой-то мере могла быть принята жителями Африки и Азии — в конце концов, их собственное положение в арабских странах после образования Израиля сильно пошатнулось, — то русское прошлое этого государства было им чуждо. Даже враждебно, ибо «русские» сидели в правительстве и в Кнессете, в государственных учреждениях и адвокатских конторах, они были учителями, подрядчиками, банковскими служащими, а их, «арабов», сгружали с кораблей и посыпали дустом...

В конце концов русские истоки еврейского государства, засыпанные поначалу идеологическим мусором, позже утрамбовали новые жители страны, не имевшие никакого отношения ни к сионизму, ни к социализму, ни к русским корням того и другого. Казалось, корни эти обречены на отрицание.

2. «Моисеем работаю я!»

В конце мая 1967 года в маленьком особняке израильского посольства на улице Веснина, что в районе Арбата, стоял дым коромыслом: заколачивали ящики с мебелью, бумагами, канцелярскими мелочами. Новое здание посольства, скрытое за глухим забором на Большой Ордынке, уже ждало своих обитателей. Но они там не появились: 10 июня, в последний день Шестидневной войны, правительство СССР объявило о разрыве дипломатических отношений с Израилем; раскалывать ящики пришлось в Тель-Авиве.

Разрыв с Москвой никого в нашей стране не удивил: Советский Союз и без того относился к нам крайне враждебно, все понимали, что это Кремль, напичкав арабских соседей немислимым количеством оружия, развязал Шестидневную войну. По-

терпев унизительное поражение, Москва в большей мере, чем даже арабские столицы, метала громы и молнии в адрес Тель-Авива. Так что разрыв дипломатических отношений ничего по сути не менял, разве что еще дальше отодвинул разговоры о русских евреях, существование которых стало казаться совсем призрачным. Все говорили тогда о прошедшей войне, валом валили в Старый Иерусалим и на Синай, спорили: отдавать или не отдавать взятые территории.

Были, однако, в стране люди, которые не могли забыть о русских евреях в силу служебных обязанностей.

Саула Меерова привезли в Палестину из Могилева-Подольска в 1912 году. Мальчику было тринадцать лет, и его сразу же определили в тель-авивскую гимназию «Герцлия». Однако в 1917 году турецкие власти выслали его семью вместе со всем еврейским населением Тель-Авива. В гимназию Саул уже не вернулся, он с головой ушел в общественную жизнь ишува, примкнув к той его части, что вела открытую борьбу с арабами, тайную — с англичанами. С 1918 года Мееров — член киббуца Киннерет. В 1920-м он под командованием Трумпельдора участвует в защите местечка Тель-Хай (где герой России и Израиля нашел свою могилу). Он входит в руководящий совет подпольной армии — Хаганы, создает ее разведывательную службу, занимается приобретением и налаживает производство оружия. С 1934 года он возглавляет организацию Мосад ле-Алия Бет, занимающуюся нелегальной эмиграцией евреев в подмандатную Палестину. Он тайно посещает столицы арабских государств, налаживает контакты с беженцами из Европы и с местными евреями. Во время войны он организовал засылку десантников Хаганы в оккупированные гитлеровцами страны Европы, а как только боевые действия там закончились, возглавил операцию «Бриха», цель которой была собрать и отправить в Палестину уцелевших евреев из разных стран Европы. Одновременно он нелегально закупает оружие и хитроумными путями переправляет его на родину.

После провозглашения независимости Мееров, теперь уже Шаул Авигур становится заместителем Бен Гуриона по министерству обороны. Но для публичной политической деятельности он не создан, к тому же здоровье оставляет желать лучшего; от должности заместителя министра обороны Авигур уходит. От должности, но не от дел. Ибо дел у него великое множество, к тому же он внимательно следит за развитием событий в стране и за рубежом.

В феврале 1953 года какой-то фанатик бросил гранату в здание советской миссии в Тель-Авиве. Москва немедленно заявила о прекращении дипломатических отношений. Министр иностранных дел Моше Шарет приносит официальные извинения, но Москва требует большего. Идет торг, Бен Гурион уступает, отношения восстанавливаются. Все довольны. Но не Авигур. Шаул встревожен и возмущен. Ну что ж, пусть его шурин, Моше Шарет, шлет в Москву ноты с извинениями, пусть Старик считает нужным уступить, он, Авигур, не позволит Москве играть с еврейским государством в кошки-мышки. У Шарета свои дела, у него, Авигура, — свои.

В том же 1953 году с ведома и согласия Бен Гуриона Авигур создает организацию под длинным названием Лишкат ха-кешер им ихудей Мизрах Юропа в'Брит ха-Муацот, что в переводе означает Бюро связи с евреями Восточной Европы и Советского Союза. Немногочисленные посвященные назовут ее просто Лишкэ.

* * *

В лабиринтах Кирий¹, не самого привлекательного квартала Тель-Авива, между гаражами, складами, ремонтными мастерскими затерялось неказистое двухэтажное здание. Дорогие автомобили к нему не подъезжали, входящие в здание мужчины и женщины ничем не отличались от служащих здешней округи. Случайный прохожий мог подумать, что здесь какая-то контора, причем столь захудалая, что даже таблички над входом у нее нет. И уж никому не пришло бы в голову, что возглавляет эту контору человек в должности заместителя министра, что подчиняется он самому Старика и входит в кабинет премьера «без звонка и без стука». Кто бы мог подумать, что хозяина этого дома слушаются и в Шин Бет¹, и в министерстве иностранных дел,

¹ Шин Бет (Ширут ха-Битохон) — Служба безопасности (иврит).

и на национальном радио, что при случае может он задать трепку любой газете. Кто бы мог подумать, что стоит хозяину кабинета на втором этаже поднять трубку, как сотни тысяч людей выйдут на улицы Нью-Йорка, Парижа, Амстердама, Стокгольма, Буэнос-Айреса, что пресса, радио и телевидение во всем мире организуют громкую кампанию, в которой примут участие сенаторы и министры, нобелевские лауреаты и звезды мирового кино, что кампания эта будет направлена против могущественной державы мира — Советского Союза, и лозунгом ее станут библейские слова: «Отпусти народ мой...»

Но все это будет позже, в семидесятые и восьмидесятые, а пока Авигур устанавливает нужные связи, подбирает сотрудников, отработывает методы координации различных служб, которые прямо или косвенно будут вовлечены в замышляемый им грандиозный проект. Впрочем, до конца шестидесятых говорить о реальности замысла Авигура означало выставить себя фантазером. Среди немногих посвященных были и те, кто думал, будто Авигур просто «выбил» себе синекуру и бросает на ветер государственные деньги.

Деньги на ветер Авигур не бросал.

В 1956 году Польша заключила с Москвой соглашение о репатриации польских граждан. В числе тех, кто мог доказать, что в довоенные годы был гражданином Польши, оказалось более 20 тысяч евреев, причем не только польских, но и русских, сумевших тем или иным способом вскочить в «польский» поезд. Эмиссары Лишки основательно поработали над тем, чтобы евреи, выбравшиеся из России, сумели добраться до Святой земли. Но не это было главным достижением ведомства Авигура в первые, внешне неприметные 15 лет его существования.

* * *

Многие москвичи среднего возраста знают, что «побочным продуктом» Всемирного фестиваля молодежи и студентов, что проходил в Москве в июле-августе 1957 года, стало появление на свет мальчиков и девочек с коричневой кожей. Но никто, похоже, и вездесущие органы, не знал, что другим побочным результатом Московского фестиваля стало появление на свет других мальчиков и девочек, тех, кого впоследствии назовут еврейскими националистами, активистами алии, отказниками. Словенно говоря, у тех, кому пришлось в голову добраться в Москву и, обойдя многочисленные преграды, установить контакты с членами израильской делегации, в душе уже горел национальный огонь. После фестиваля в их руках оказались брошюры с рассказами о молодом израильском государстве, открытки с изображением прекрасных девушек-солдат, значки с израильским флагом, авторучки и зажигалки, заряженные «теми» чернилами и «тем» газом...

Крупные международные мероприятия — выставки, конференции, спортивные состязания случались и позже, и даже если они не представляли интереса для широкой публики, даже если павильоны других стран пустовали, в израильском, непременно затертом в самый дальний угол, всегда толпился народ. Не подумайте, что это были специалисты в той или иной области; всякий раз, когда на флагштоке какого-нибудь международного форума развевался израильский флаг, под звездой Давида собирались, знакомились, сбивались в кружки молодые люди из Риги, Киева, Вильнюса, Москвы, Тбилиси, Одессы... А еще были синагоги, куда нет-нет, да и заглядывали зарубежные туристы. Было и израильское посольство, но сунуться туда решались совсем уж отчаянные головы.

«Ну что там твои мальчишки в России, ты все еще думаешь, что они смогут поднять большую алию? Кстати, сколько их у тебя, сотня душ наберется?» И такое приходилось выслушивать Авигуру. Но он оставался непреклонен, «где надо» стучал по столу: «Они смогут!» — и требовал поддержки. И попробовал бы кто-нибудь ему отказать!

Сегодня, глядя на события тех лет, думается: нет, не сумели бы мальчишки пятидесятых-шестидесятых поднять большую алию! Так и остались бы разрозненными, разбросанными по стране одиночками, которых рано или поздно выследили бы органы, уехали в лагеря и... закрыли дело. На это КГБ и рассчитывал, организовав, начиная с 1969 года, антиеврейские процессы в Ленинграде, Риге, Кишиневе, Одессе, Свердловске, Киеве, Душанбе. Уважительная, но неповоротливая машина Комите-

та госбезопасности опоздала, — к этому времени судить нужно было уже не одиночек-«отщепенцев», а десятки тысяч людей.

Шестидневная война, победа евреев над арабами перевернула души многих людей в России, которых там было принято называть «лицами еврейской национальности». Но в ОВИРы их все же привел не душевный подъем; подъемы проходят, реальность остается. А реальность эта, оглушаемая после июня 1967 года истерической антисионистской пропагандой, массовыми собраниями, необходимостью самодоносить, доказывать свою непричастность, становилась невыносимой. Десятки тысяч людей, отнюдь не романтиков, решились на отчаянный шаг. Романтики же, «мальчишки Авигура», выполнили роль поводырей. Они принесли им вызовы из Израиля, показали, где находятся ОВИРы и куда нужно писать или звонить, если получаешь отказ.

Да, КГБ опоздал, но Шестидневная война спутала карты не одним лишь чекистам. Недоброжелатели Авигура из окружения премьер-министра были посрамлены, Голда Меир обратилась к советским евреям с открытым призывом эмигрировать в «страну предков», на этот раз точно зная: ее услышат! А Лишкá, державшаяся на личных связях Авигура, превратилась в одно из важных министерств страны. Увы, сам он по причине возраста и здоровья покинул свой кабинет в Кирье, усадив в кресло хозяина своего заместителя Нехемию Леванона.

* * *

Загадочным человеком был Леванон. Старая косточка, киббуцник и, само собой, ветеран партии, он был лишен политических амбиций, избегал прожекторов, действовал только за сценой. Высокий чин в Шин Бет и опыт работы в московском посольстве позволили ему стать преемником Авигура. И хотя по должности уроженец уральского города Пермь был приравнен к заместителю министра, по количеству и многообразию проблем, которые ему приходилось решать ежедневно и ежечасно, уступал он разве что главе правительства. Наверное, в другой стране, чтобы справиться с подобной задачей, была бы создана многотысячная организация. Тысяч у Нехемии не было, но была железная рука; ей-то он и правил: где нужно, шел напролом, с кем нужно, был жесток и категоричен, кому нужно, был отцом и наставником.

Против операции «Свадьба» — затей группы рижан и ленинградцев, которые вознамерились угнать самолет из аэропорта Смольный в Ленинграде — Нехемия возражал категорически. Предотвратить «Свадьбу» ему, однако, не удалось; за ничтожки дергали из ленинградского Большого дома. Нехемия был в ужасе, прекрасно понимая, что «дело об угоне» станет поводом для массовых арестов, приведет к разгрому еврейского движения, которое быстро набирало силу. Нехемия даже не хотел поднимать кампанию в защиту «самолетчиков»: общественное мнение в мире было настроено враждебно к воздушным пиратам, да и сам Израиль, первая жертва воздушного терроризма, настаивал на суровом наказании угонщиков. Так что Нехемия мог нарваться на большие неприятности внутри страны и подмочить свою репутацию в глазах зарубежных доброжелателей. Мог, если бы суд в Ленинграде вынес умеренные, адекватные заслугам горе-пиратов приговоры. Но антисемитское рвение не знало границ; суд вынес два смертных приговора. И это за одну только попытку, обошедшуюся без жертв, предотвращенную еще до того, как потенциальные угонщики взойшли на трап самолета! Всем стало ясно: речь идет не о наказании преступников, а об антисемитской расправе. Раньше всех понял это Нехемия. Как только 25 декабря 1970 года, ровно через четверть часа после вынесения приговора, ему позвонили из Ленинграда, он мгновенно оценил обстановку и, не раздумывая, поднял трубку белого телефона; сотни тысяч людей вышли на улицы Нью-Йорка, Парижа, Амстердама...

Трудно было Нехемии с теми, кто действовал за железным занавесом, трудно было и с теми, кто приезжал в страну. Кто эти люди, что скрывается за их словами о желании жить на родной земле, за клятвами верности совсем незнакомой стране? И главное, не явились ли они сюда по заданию всемогущих органов? Нехемия лучше других знал закулисную сторону израильской действительности, знал, как много людей, считавших себя убежденными сионистами, приезжали на «историческую родину», а потом, не выдержав или разочаровавшись, покидали страну. Более того, по

долгу службы он не имел права забывать о деле советского шпиона И. Бера и о других, многочисленных, но менее громких делах такого рода. У Нехемии были основания не верить словам свежеспеченных патриотов, у него было достаточно оснований опасаться наплыва в страну агентов Лубянки. И он взял за правило: лучше обидеть невинного, чем допустить ошибку.

Промашки все же случались.

А. Ш-ин, импозантный, седобородый красавец, авантюрист и фантазер, обладал таким талантом убеждать собеседника, что не поверить ему было невозможно. Даже Нехемия поверил. И полетел в Вену на встречу с «крупным советским чиновником» договариваться об «условиях, на которых Москва готова будет отпускать своих евреев». В Вене он чуть не попал в ловушку КГБ...

Г. Ф-ин числился в Лишкэ отставным майором советской армии и именитым рижским отказником. Более всего он прославился тем, что закатил пощечину какому-то арабу, пытаящемуся сорвать израильский флаг на международной выставке в Сокольниках. Так что когда Ф-ин прибыл в страну, Нехемия распорядился устроить ему достойный прием, а затем организовал встречу с большими начальниками — смотрите, мол, какой товар я завожу из России! Больше часа Ф-ин поучал израильских генералов. В какой-то момент Моше Даян встал, сунул Нехемии записку и вышел. Нехемия развернул смятую бумажку. На ней был нарисован... бублик. Ф-ин и в самом деле был болтуном и пьянчужкой, звание имел не майора, а старшины, и храбрецом бывал разве что пропустив пару рюмашек...

Отказников-активистов Нехемия недолюбливал и делал все, чтобы отвести их от дела, которому в России они служили самозабвенно и в котором, как им казалось, разбирались лучше, чем бюрократы из Лишкэ.

Профессор М. Г-ан провел в отказе несколько лет. Участвовал в семинарах ученых-отказников, подписывал письма, писал статьи в еврейский самиздат. Днями и ночами обдумывал он, как помочь ученым выехать из Союза. Г-ан считал, что знает об этом лучше кого-либо другого, и в первые же дни после приезда в Израиль явился в Кирию поделиться с Нехемией своими соображениями. Нехемия был мрачен, слушал молча. Весьма грубо оборвал собеседника: «Г-ан, вы, кажется, физик. Так идите и работайте физиком, Моисеем в этой стране работаю я!»

Нехемия считал себя хорошим Моисеем. Он добился от Вашингтона обещания, что ЦРУ не будет вербовать агентов из среды еврейских отказников, люди Лишкэ сидели в израильских посольствах всех важнейших столиц мира, Нехемия упорно пробивал щели в железном занавесе, не упускал возможности укусить кремлевских фараонов. Казалось, он лучше кого бы то ни было знает, как вывести народ свой из советского Египта.

Как и библейский Моисей, Нехемия плохо знал народ свой.

* * *

Сегодня в Америке живет уже третье поколение советских евреев, эмигрировавших в эту страну в начале семидесятых. Как попали они туда, имея на руках въездные визы в Израиль? Кто проложил им дорогу через Вену и Рим в аэропорт Кеннеди? Кто добился для них статуса политэмигрантов и льготных программ для интеграции в Соединенных Штатах? Быть может, воздавая Господу благодарность за счастливый билет, что выпал на их долю, кто-то из этих людей задается вопросом: где тот добрый ангел, что вывел нас в Америку? Поиски этого ангела вряд ли приведут счастливчиков в Израиль, ведь в этой стране не жалели ругательств в адрес ниширим — «прямиков», которые, минуя Израиль, направлялись в США. Каково же новым русским американцам узнать, что «американскую опцию» «пробил» для них все тот же Нехемия Леванон!

«Ну зачем нам бродские (он так и говорил: «бродские!»)? Приедут, начнут мутить воду; возись с ними — не возись, они все равно уедут. Это не наш товар; пусть катятся в Америку, это страна большая, выдержит и бродских». Америка «бродских» выдержала, но, к удивлению Леванона, за «бродскими» потянулись те, кого Нехемия считал своим товаром. С середины семидесятых кривая эмиграции в Израиль начала падать, в Америку — расти. В 80-х годах туда уже направлялась большая часть тех, кто пересекал советскую границу по израильской визе. Думаю,

Нехемия не раз пожалел, что проторил советским евреям дорогу в Америку, не раз пытался исправить свою ошибку.

Нехемия осчастливил не только многих советских евреев, ставших американскими. «Израильский путь» превратился для Кремля в черный ход, через который власти без лишнего шума выталкивали из страны диссидентов и других «нежелательных лиц».

Между тем и в Израиль ручеек из советских евреев никогда не прерывался. Люди ехали сюда по разным соображениям, но одна категория — отказники-активисты — по идейным; через ведомство Нехемии прошло немало авантюристов, неудачников, людей непомерно тщеславных, недалеких, или тех, кто, не успев «согреть ноги», начинал критиковать, учить, требовать. Но выдвигали там и людей совершенно иных.

Вернувшись из эвакуации в родной Каунас, Шаул Бейлинсон (друзья звали его «Павлик») стал одним из организаторов нелегальной переправки евреев через польскую границу. Несколько грузовиков с беженцами удалось переправить, но МГБ перехитрило Павлика и его товарищей. Чекисты построили фальшграницу, перейдя которую, беженцы считали, что все уже позади...

Павлика пытали в подвалах того самого здания в Вильнюсе, которое в разное время служило жандармским управлением, польским судом, Управлением НКВД-МГБ-КГБ. Дали расстрел. Позже заменили расстрел двадцатью пятью годами лагерей. Павлик выдержал, вернулся в Каунас, стал крупным инженером-строителем, одним из тех, кто создал в столице Литвы первый в Советском Союзе современный жилой микрорайон «Жирмунай». Его наградили, сделали начальником. Все знали его как прекрасного организатора, знающего специалиста, одинаково хорошо владевшего русским и литовским языками. Но никто не знал, что он столь же хорошо владеет и ивритом, что с мыслью добраться до Израиля никогда не расставался. При этом Павлик не просто мечтал, он действовал. Но не так, как в сороковые годы; ищейки КГБ долго не могли выйти на его след, а когда вышли, было уже поздно. В начале 1971 года, поняв, что дело сделано, Бейлинсон сам раскрыл карты — официально подал документы на выезд в Израиль. Арестовать его «за организацию сионистского подполья» означало для КГБ признать свою ошибку; Шаул Бейлинсон получил выездную визу.

Когда Меир Гельфонд вернулся в родную Жмеринку из эвакуации, то застал там ужасную картину: еврейское население было уничтожено, его родные, друзья его детства, его школьные учителя лежали в окрестных рвах. Их память никто не спешил увековечить, равно как никто не спешил помочь тем немногим, кто уцелел. Напротив, антисемитизмом смердило на каждом шагу. Меир сделал выбор, сделал — на всю жизнь.

В 1949 году МГБ вышло на след «Союза еврейской молодежи», который «разбрасал свои шупальца по всей Украине». Студент медицинского института Винницы Меир Гельфонд, один из организаторов СЕМ, вместе с товарищами отправился в лагерь. Лагерь стал для Меира академией жизни. Здесь он познакомился с Григорием Прейгерзоном, преподавателем Московского горного института по должности, ивритским писателем и поэтом по призванию. (Еще с тридцатых годов Прейгерзон писал стихи и прозу на иврите и печатал ее в Палестине под разными псевдонимами. Эта бессмысленная игра тянулась до марта 1949 года, когда Прейгерзон был арестован). Меир выучил иврит, овладел искусством конспирации. После освобождения Гельфонд окончил мединститут, стал кандидатом наук, был принят на кафедру кардиологии 2-го Московского мединститута. Для бывшего зэка, да еще и с именем «Меир Беркович», это было непросто. А потом начались будни: днем Гельфонд лечил людей, учил студентов медицинской науке, вечерами преподавал иврит, читал, перепечатывал, давал читать другим. Что?

Слово «самиздат» подразумевает нечто стихийное, спонтанное. Конечно, было и стихийное, и спонтанное, но основной поток еврейского самиздата тех лет создавался целенаправленно и попадал к тем, для кого предназначался. В огромном количестве ходили по стране отпечатанные на машинке брошюры «Шесть миллионов обвиняют: процесс Эйхмана», русский перевод книги Леона Юриса «Эксодус», учебники иврита и многое другое. Самиздат, впрочем, был не самым главным в деятельности Гельфонда, так что когда в марте 1971 года в аэропорту Бен Гурион Гельфонда и его друзей встретила лично премьер-министр Голда Меир, она хорошо знала, кому и за что воздает должное.

А еще раньше, в октябре 1969 года, в тот же аэропорт прилетел из Москвы Давид Хавкин. Хавкин был первым еврейским активистом в советской столице, первым, кто начал действовать открыто, кто собирал молодежь не на конспиративных квартирах, а у московской синагоги, на тех же выставках и концертах, кто учил их петь еврейские песни и танцевать еврейские танцы, кто учил их не бояться произнести слово «еврей» и вообще — учил не бояться! Инженер-полиграфист, он отсидел срок за сионизм, вышел из лагеря и стал добиваться выезда в Израиль. За ним ходили по пятам, его телефон прослушивали, всех, кто заглядывал в его дом, таскали на допросы. Земля горела под ногами, но Хавкин лишь «наращивал обороты», сознательно ставя КГБ перед выбором: посадить или отпустить. Власти предпочли второе, рассчитывая, что повторить его подвиг никто не решится.

Как они ошибались!

* * *

Но вот наши герои в Израиле.

Шаул Бейлинсон хорошо знал: у иммигранта две проблемы — работа и квартира. Квартира — это по его части, и с места в карьер он приступил к реализации проекта по индустриальному домостроению. Проект лопнул: примитивные методы строительства с использованием дешевого труда арабов обогащали не только подрядчиков; что-то перепадало чиновникам, что-то оседало в партийных кассах. Мог ли Нехемия помочь Бейлинсону? Мог, думаю, ведь когда дело касается вопросов государственной важности, частные и корпоративные интересы в Израиле умеют отодвигать на второй план...

Гельфонд пользовался в Лишкэ уважением, его даже побаивались — в делах конкретных он умел добиваться своего, — но призван он не был; влиять на политику Лишкэ Леванон не позволял никому.

Не только Гельфонд, никто из героев шестидесятых, никто из негероев семидесятых, — а они прибывали в Израиль десятками тысяч — не был допущен в политику, не мог добиться положения, позволявшего оказывать сколько-нибудь заметное влияние в этой стране.

Странное дело, диссидентское движение тех лет казалось незначительным, даже эфемерным по сравнению с движением еврейским. В знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию на Красную площадь вышли всего лишь семь человек. Но эти семеро вписали свои имена в российскую историю. Ни в русской, ни в еврейской истории не осталось имен тех, кто приводил тысячи людей на Старую площадь, ни тех, кто собирал десятки тысяч у Большой синагоги на улице Архипова на праздник Симхат Тора, ни тех, кто организовал многотысячный поход на Вильнюс, разгонять который власти вызвали войска... Имен Виталия Свечинского, Тины Бродецкой, Иосифа Шнайдера, Давида Драбкина, Владимира Слепака нет даже в издающейся ныне Российской еврейской энциклопедии. Тем более некому вспомнить о них в Израиле — Нехемия Леванон превратил их в товар, импортом которого он занимался по поручению тогдашнего политического истеблишмента.

3. Королевский гамбит Щаранского

Коренастый, плотно сбитый пожилой человек в мундире генерал-лейтенанта внимательно изучал анкету.

— Ща-ра-н-ский Анатолий Борисович, 20 января 1948 года, город Донецк, — бормотал вслух генерал. — Донецк? Это хорошо. Еврей... — генерал отложил анкету, достал из сейфа папку «Объективки», вынул листок «Щаранский».

Отец: Щаранский Борис Моисеевич, 1904 год, Одесса, член КПСС, участник ВОВ, политкомиссар. После войны журналист в Донецке... Мать: Мильгром Ида Петровна, 1908 года, Одесса, экономист... Особые замечания: активен, честолюбив, предосудительных связей не имеет, в нежелательные разговоры не вступает. Увлечен: шахматы. Иван Федорович вернул объективку на место, отцепил от анкетного листа фотографию и стал внимательно всматриваться в лицо кандидата в абитуриенты; не по анкете, по глазам составлял он мнение о человеке.

Иван Федорович не всегда был проректором по режиму Московского физико-технического института, но в петлицах своего мундира всегда носил крылышки. Нет, летчиком или бортиженером он никогда не был, в ВВС служил оком государевым при господах авиаторах, надзирал за этими любимцами богов и женщин. Сын старого большевика, он беспрепятственно двигался по служебной лестнице, а дружба с Василием Сталиным защищала его от доносов сослуживцев. А потом началась оттепель. Кому оттепель... Вдовы расстрелянных летчиков побежали жаловаться. Да ладно бы вдовы, беда была в том, что у расстрелянных летчиков остались друзья, а друзья эти вышли в маршалы и генералы. И когда эти нерасстрелянные вовремя маршалы и генералы узнали, кто был виновником гибели их боевых товарищей, Иван Федорович понял: дела плохи. И слег в психбольницу. И ждал. И дождался.

Московский физтех придумали ученые. Те, кто делал большую науку, хотели подготовить себе смену, те, кто делал бомбы, ракеты и подводные лодки, рассчитывали заполучить в свои почтовые ящики талантливых молодых людей; полузакрытый элитный вуз разместили в укромном подмосковном городке Долгопрудный.

— Принять этого парня, — указывал, бывало, Ландау.

— Ну что Вы, Лев Давидович, у него тройка по литературе!

— Мне не поэты нужны, а физики, — огрызался Ландау.

— Принять, — говорил Капица.

— Но у него же нет комсомольской характеристики, Петр Леонидович!

— Меня не интересует характеристика, из этого парня толк будет.

Позволить такую вольность можно было лишь при условии, что за большими учеными — «малыми детьми» — будет глаз да глаз. А тут и глаз подвернулся, старый, опытный.

— Отказать, — говорил ректор.

— Почему, Иван Федорович?

— Глазам его не верю.

— Но он же набрал столько баллов!

— Скажите ему, что он принят в энергетический, я позволю.

Шли годы, выпускники физтеха становились профессорами и академиками; боялся Ивана Федоровича они перестали. Старого чекиста пересадили в кресло проректора по режиму. Теперь уже Ивана* Федоровича спрашивали не «почему?», а «ваши аргументы?»

Аргументов не было, Иван Федорович тяжело вздохнул и швырнул анкету Щаранского в стопку «К экзаменам допустить». Маленький мальчик из Донецка стал студентом элитного московского вуза.

* * *

Учиться в физтехе было нелегко — первые два курса студент, что называется, света белого не видел. Но потом становилось легче, у молодых людей появлялись увлечения. Появились они и у Толи Щаранского.

Юную пианистку звали Люба, в Москве она готовилась поступать в консерваторию. Молодые люди нравились друг другу; дело шло к свадьбе. Но тут случилась незадача: отец Любы, Толя-большой, оказался... пламенным сионистом; документы на выезд в Израиль давно лежали в ОВИРе города Вильнюса. Правда, против брака дочери он не возражал, но при условии, что Толя-маленький переведется на учебу в Вильнюс и вместе с семьей жены подаст документы на выезд. Сионизм Толи-большого был чужд и непонятен Толе-маленькому. Воспитанный в «правильной» семье, награжденный золотой медалью в школе и принятый в лучший московский вуз, он верил, что «антисемитизм изжит в нашей стране в 1917 году». Позже он расскажет одному американскому журналисту, что в молодости слово «жид» слышал лишь однажды.

Любовь взяла верх; Толя-маленький готов был перебраться в Вильнюс. Но была еще мама. Неважно, какие слова она произносила в том 1970 году, неважно, в кого метала громы и молнии; она была уверена, что ее сына губят: в лучшем случае увезут бог знает куда, и она его никогда не увидит. Семейная драма завершилась компромиссом: Толя обещал закончить физтех, мама обещала отпустить его «куда захочет».

В феврале 1972 года семье Любы разрешили выезд в Израиль; покинуть пределы державы предписано было в течение двух недель. Отложить отъезд, дожидаться,

пока Толя-маленький закончит учебу, Люба не могла — рисковать визой казалось безумием. Решили, Люба отправится в Израиль с родителями и вышлет Толе-маленькому вызов.

Лето и осень 1972 года ушли у Толи на подготовку дипломной работы. Работа была не секретна, Щаранский занимался теорией шахматной игры. «Эндшпиль — конец шахматной партии — типичный пример поиска решений в конфликтной ситуации», — напишет он в своем дипломе, еще не подозревая, в каких ситуациях предстоит ему принимать решения! Наконец диплом в кармане, согласие родителей и вызов от невесты на руках; можно подавать документы в ОВИР. Но документы не принимают «за недостаточностью родства». В апреле 1973 года Толя посылает бумаги в ОВИР по почте и начинает отсчет времени. Время идет, ответ из ОВИРа не приходит, встает вопрос: что делать? Этого Толя еще не знает, но одно ему ясно: обратного хода нет. В августе он добивается приема у начальника Московского ОВИРа генерал-лейтенанта Андрея Вереина. Вереин заверяет Щаранского, что документы его приняты, намекает: к концу года следует ждать «положительного разрешения». Генеральское слово, увы, не более чем уловка, Толя становится отказником.

* * *

Новая жизнь начинается с квартиры «отца отказников» Владимира Слепака. Толя — участник всех акций еврейских активистов. Чуть позже он сближается с профессором Александром Лернером, который ведет семинар ученых-отказников, и становится непременным участником этих необычных собраний. Вскоре, однако, Щаранский приходит к выводу, что приемы отказников-ветеранов уже превратились в рутину и перестают производить впечатление на тех, кто решает вопрос о выезде, — нужно придумать что-то свое, новое, вынудить КГБ избавиться от смутьяна. Толя сближается с молодыми отказниками Валерием Крижаком и Исааком Полханом. Лозунг этой тройки: демонстрация каждые две недели! Ребята не упускают случая, чтобы выйти на улицы с плакатами. Их избивают «дружинники», по пятам ходят стукачи. В конце концов Крижак и Полхан получают выездные визы, Толя остается отказником. Обидно, конечно. Но и его юношеская смелость не остается без вознаграждения.

13 октября 1973 года, когда на Синае и Голанских высотах шли тяжелые бои¹, еврейские мальчики и девочки собрались на улице Архипова на демонстрацию протеста против арабской агрессии. На улице холодно, дождь идет вперемежку со снегом, но молодые люди не расходятся, они жадно ловят вести из африканской пустыни, они переживают за тех, кто там обливается потом. К насквозь промокшему и продрогшему Толе подходит молодая девушка: «Не волнуйтесь, наши скоро возьмут Дамаск», — говорит юное создание и предлагает Щаранскому... теплое белье. Толя шокирован, — откуда у этой девчонки такая уверенность, и причем тут... белье? Девушку зовут Наташа Штиглиц, ей 22 года, теплое белье она приготовила для брата Миши, отказника, который отбывает 15 суток в одном из милицейских «приемников». Откуда уверенность? Об этом они будут говорить часами, днями, ночами. А почему бы и нет, ведь Люба не дождалась жениха; в Израиле она встретила другого и вышла за него замуж. А пока выясняется: Наташа посещает ульпан², изучает иврит. «Если ты собираешься в Израиль, то почему не учишь иврит?» И в самом деле, почему? Приобщение к ивриту начинается со смены имен; Анатолий становится Натаном, Наталья превращается в Авиталь.

События между тем развиваются стремительно. В декабре 1973 года Михаил Штиглиц получает визу, улетает в Израиль и высылает приглашение сестре. Наташа не хочет подавать документы, она опасается за судьбу жениха; Толя убеждает ее: мы поженимся, если ты получишь разрешение, то уедешь в Израиль в качестве моей жены и сможешь мне выбраться отсюда. Наташа подает документы; обдумывает, как устроить религиозный брак, — зарегистрироваться в загсе они не могут: документы, лежащие в ОВИРе, станут недействительными.

¹ Имеется в виду Война Судного дня 1973 года.

² Ульпан — курсы языка иврит.

А пока молодая чета ломает себе голову над тем, как узаконить свои отношения, Москва готовится к визиту президента Никсона: чистят улицы, красят заборы, перекрывают въезды в столицу, превентивно рассаживают по соответствующим учреждениям бродяг, проституток, пьяниц и других неблагонадежных. К числу последних принадлежат и отказники-активисты. 19 июня Толю схватили милиционеры, «хулиган» получил 15 суток. Толи нет дома уже шесть дней; на седьмой Наташе вручают открытку из московского ОВИРа: гражданке Штиглиц предлагается в течение 10 дней убраться в Израиль. «Это невозможно, у меня назначена свадьба, но мой жених пропал, помогите мне найти его, иначе я не уеду.» «Если не возьмете визу сейчас, на всю жизнь останетесь в России, и у Вас будет много неприятностей...» Тем не менее за день до свадьбы и за два дня до отлета Наташи из Москвы (о чем Толя еще не знал) офицер КГБ открыл двери его камеры: «Можешь идти...». Роман Натана и Авиталь продолжился в письмах; первое из них датировано 12 июля 1974 года.

* * *

Еще совсем недавно слова «связь с границей» приводили советских людей в ужас, но в начале семидесятых отказники-активисты не упускали случая встретиться с иностранцами. Случаи подворачивались не так уж редко, но инициаторами чаще выступали западные корреспонденты или туристы. В 1971 году в отказники попал журналист Кирилл Хенкин. Человек сложной биографии, бывший сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма» и радиостанции «Мир и прогресс», Хенкин порвал с прошлым. Хотя многие отказники и диссиденты относились к нему с подозрением, Кирилл ненавязчиво старался внести лепту в общее дело. Ему и бросилось в глаза то обстоятельство, что встречи с западными корреспондентами происходят время от времени, собираются на них люди случайные, каждый несет свое. «Это мешает делу, — заявил Хенкин, — должен быть человек, который станет собирать, проверять и регулярно передавать информацию о положении дел с еврейской эмиграцией западным корреспондентам». Выпускник Сорбонны Кирилл Хенкин стал первым спикером в еврейском движении. После отъезда Хенкина в роли пресс-атташе его сменил Александр Гольдфарб, после Гольдфарба за опасное и сложное дело взялся Толя Щаранский.

Новые встречи, новые имена, новые перспективы.

Иностранные корреспонденты плохо понимают, кто из московских диссидентов еврейский отказник, кто правозащитник, кто русский националист или активист православной церкви. Да что там западные журналисты! Те, кто собирается на неофициальных брифингах, так походят друг на друга, судьбы этих людей так тесно переплетены, что они и сами порой забывают, кто из них есть кто. Баптист добивается выезда в Канаду по приглашению из Израиля, русский генерал требует вернуться на родину крымских татар, московская адвокатесса хлопочет за украинского поэта...

Приехав в Израиль десять лет назад, Щаранский начисто исчез из диссидентского движения, равно российского и зарубежного. Это дает повод думать, будто и участвовал-то он в правозащитных организациях из соображений прагматических. Уверен, однако, что в 70-е годы Щаранский был искренен в своей приверженности правозащитному движению, в своих симпатиях к друзьям-диссидентам. Он был дружен с Еленой Боннэр и Людмилой Алексеевой, с Юрием Орловым и Андреем Амальриком. Несмотря на разницу в возрасте, он был с ними — знак диссидентского братства — на ты. Дело не ограничивалось одними лишь дружескими связями. Щаранский помогал баптистам и пятидесятникам, оказал немало услуг советским немцам, крымским татарам, семьям политзаключенных. В 1976 году Щаранский становится одним из учредителей Московской Хельсинкской группы, где он выступает в качестве спикера, консультанта по вопросам эмиграции; его подпись стоит под совместным обращением Московской Хельсинкской группы и Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, он встречается с «ходоками» из провинции, пишет и редактирует документы, делает массу черновой работы. Наблюдая в то время за Щаранским со стороны, нетрудно было представить его лет, этак, через двадцать в роли министра в правительстве Юрия Орлова, Владимира Буковского или даже Егора Гайдара...

* * *

Что такое коллективное руководство? Это собачья упряжка: если ты плохо тянешь, отстаешь, сзади тебя кусают за ноги. Если рвешься вперед, тянешь изо всех сил, значит, хочешь выслужиться, выпросить лишний кусок — на ближайшей стоянке тебя разорвут в клочья.

Андропов медлил. И в стране, и за ее пределами были уверены, что руки шефа КГБ связаны разрядкой, торговлей, кредитами, различными международными соглашениями. Он и хотел, чтобы так думали, но сам-то хорошо знал, кто укусит его за ноги, при каких обстоятельствах разорвут в клочья. Конечно, тогда, в 1969-м, можно было одним ударом разрубить гордиев узел; взять тридцать, ну, пятьдесят тысяч, надежно упрятать их в лагерь, и никто бы уже не знал, что была такая проблема, что кто-то когда-то хотел ехать в какой-то Израиль. Ленинградцы поспешили, сработали топорно; Генеральный осерчал — он не любил резких телодвижений. И шепоток пошел, что, дескать, органы занимаются самодеятельностью... Правда, тогда обошлось — сдал Толстикова, и все успокоилось. Но урок запомнил, действовать стал тоньше, осторожнее. Придумал сколотить группу долговременных отказников. Дело бесприоритетное: те, кто подумывает об отъезде, глядя на поседевших в отказе горемык, лишний раз почешут в затылке. С другой стороны, с американцами поторговаться можно: хотите рабиновича-абрамовича, пожалуйста, только кредит выпишите, или обменяем на нашего... На Старой площади понравилось, одобрили.

К лету 1976 года началась другая игра: Хельсинкские группы переполнили чашу терпения, на Старой площади стучали кулаками, требовали принять меры. Генеральный кивал головой. Юрий Владимирович понял: действовать надо решительно. И все же рубить с плеча, мести всех подряд не стал; кивок кивком, но если что не так, не видать ему кресла Генерального. Что, собственно, произошло, где корень зла? Смычка. Диссидентов с отказниками, с националами, с религиозниками. В узел ударить надо, товарищи, в узел. Убрать Орлова — это без разговоров. Гинзбург? Это тот, который между Сахаровым и Солженицыным прыгает? По лагерям пусть попрыгает! Кого из евреев? Слепака надо бы. Не расколоть, проверено, не расколоть. Виталий Рубин? Стар, болен; пока говорить заставишь, он, чего доброго, концы отдаст. Нет, нет, мучеников делать не будем. Да из-за этих двоих Израиль поднимет шум на весь мир. Щаранский? Вот это хорошая идея! Корней — ни диссидентских, ни еврейских, в отказники попал по юбошному делу — Израиль за него копыя ломать не станет. Возле Сахарова крутится по азарту. Вот и поозорничает, дружок, в Потьме, поглядим на тебя, сосунка! Решено, товарищи, начинаем: взорвите какую-нибудь бомбочку в метро, статью в газету — и брать всех по списку!

Бомбочка взорвалась 8 января 1977 года; 3 февраля забрали Гинзбурга, через неделю — Орлова.

4 марта в «Известиях» появился «программный документ» — письмо провокатора Сани Липавского. Об отказниках и правозащитниках в документе сказано: «...Хотя эти люди имеют различные взгляды на формы и методы борьбы, у них общая платформа и один лидер — американская разведка и зарубежные антисоветские организации» (обратный перевод с англ.).

15 марта взяли Щаранского.

* * *

Взяли его не первым, но роль отвели главную — ведь «антисоветский заговор» планировался на Лубянке прежде всего как сионистский — с Америкой мы еще поиграем! Далее все просто: Щаранский свидетельствует о наличии разветвленной сионистско-шпионской сети, всюду по стране идут аресты сионистов и тех, кто с ними заодно; списки уже подготовлены. После первого круга идет второй, а понадобится и третий. Одновременно в стране разворачивается кампания нетерпимости по отношению к сионистам и их прихвостням. А там, глядишь, и восстановим порядок! Дело за малым: расколоть Щаранского.

Пятнадцать месяцев провел Толя в одиночной камере лефортовской тюрьмы. Его обвинили в измене родине по статье 64-а — «шпионаж, передача государственных или военных секретов иностранному государству». Угрозы расстрела перемежались

обещаниями отпустить, «если сможешь следствию». Ради этого «если» бригада следователей из двадцати человек работала день и ночь. Опытный майор Скалов, энергичный капитан Шарудилло, следователи Соловейченко, Горбунов, Володин, другие ни на минуту не оставляли Щаранского, одновременно объезжая страну в поисках тех, из кого можно было выколотить компромат на предателя родины. Результаты были неутешительны — все тот же Саня Липавский, два мелких милицеевских провокатора и дочь покойного минского отказника полковника Ефима Давидовича. (Молодой женщине не приглянулось в Израиле, за право вернуться в родной Минск КГБ потребовало плату в виде «показаний» на Щаранского.) И ни одного сколько-нибудь известного отказника, ни одного именитого диссидента.

«Был бы человек, дело найдется»; 10 июля 1978 года изменник родины предстал перед судом. В ходе «судебного разбирательства» обвинитель, зам. Генерального прокурора СССР(!) Павел Николаевич Солонин сделал упор на то, что брак Щаранского с гражданкой Штиглиц нельзя считать законным: поскольку мать Штиглиц нееврейка, то перед свадьбой девушка должна была пройти гиюр — процедуру обращения в иудаизм — и... потребовал осудить Щаранского на 15 лет лишения свободы. Однако судья П. Луканов, приняв, по всей видимости, во внимание наличие других талмудических авторитетов, утверждавших, что брак Штиглиц с Щаранским имеет законную силу, смягчил меру наказания — три года тюрьмы и 10 лет лагерей строгого режима.

Почему вместо нового «дела Бухарина» суд над Щаранским вылился в непристойный водевиль? Все просто: те, кто должен был оговорить себя и товарищей, были свободны от гипноза советской фразеологии, их не удалось ни запугать, ни обмишурить. И прежде всего это не удалось в отношении Щаранского. Конечно, Толя знал, что о нем помнит Андрей Сахаров, а диссиденты и отказники делают для него то же, что и он в свое время делал для других арестованных. Он знал, что в разных странах еврейские и нееврейские организации, конгрессмены и сенаторы, с которыми ему доводилось встречаться, будут добиваться его освобождения. При всем том нельзя не отдать дань мужеству этого человека, его вере, его таланту. Да, ему не удалось спасти ведущих диссидентов, отказников, религиозных активистов; десятки этих людей были арестованы или вышвырнуты за границу, но большая игра кремлевских карликов была сорвана; развязать кампанию массового террора им не удалось. И в этом смысле суровый приговор Щаранскому был вполне оправдан.

* * *

Наташа Штиглиц явилась к Нехемии незамедлительно:

— Я жена Щаранского, я должна поехать в Америку, в Европу... Устройте мне встречи с важными людьми; Толю надо спасти, его положение ужасно.

— У меня уже были жены Щаранского, тоже просили послать их за границу. Идите себе, я разберусь, кого куда посылать.

Понятно, Нехемия знал о Любе; но не это было главным.

Давно ушло время мальчиков Авигура; в роли еврейских активистов теперь выступали люди другого склада, другого масштаба. Известные ученые, актеры, писатели встречались с корреспондентами, звонили в агентства новостей, писали письма. Но не ему, Нехемии, а сенаторам и президентам. Преданность этих людей Сиону представлялась Нехемии сомнительной. Даже когда вслух они говорили о сионизме, на деле, пользуясь положением именитых отказников, добивались квиютов¹ в университетах, гарантий работы, переправляли на Запад свои дипломы, диссертации, книги, картины... Конечно, новые активисты больше думают о себе, чем о деле; ясно, многие из них уедут в Америку — с этим Нехемия уже смирился. Пугало его другое: отказники-активисты стали сближаться с диссидентами. Это была идеологическая, самая страшная измена. Нехемия знал, сколь привлекательны либеральные идеи для еврейских интеллигентов. Если «еврей-умники» встанут под знамена Сахарова и если дело Сахарова победит, он, Нехемия, потеряет не только «умников», но не досчитается и тех, кого безусловно рассчитывал заполнить в Израиль.

¹ Квиют — статус постоянного работника в государственных учреждениях.

Нехемия еще мог простить Слепаку — этот старейший отказник, возможно, вступил в Хельсинкскую группу от отчаяния, — но Щаранский? Что он за птица? За два дня до ареста этот парень сказал журналистам, что «рассматривает еврейское движение за эмиграцию как интегральную часть борьбы за права человека». Так вот и тебя, дружок, будем рассматривать «как интегральную часть»; ни при каких обстоятельствах он, Нехемия, не позволит выделить дело Щаранского из других дел, ни при каких обстоятельствах не позволит сделать из этого парня героя номер один!

Наташа вышла из кабинета Нехемии в полном отчаянии; одинокая в новом, незнакомом мире, она не знала, как помочь Толе. Одно было ясно: Лишкá — официальная инстанция — ей помогать не намерена. Оставались еще знакомые эмигранты из Риги и Москвы, которые в Израиле стали хазрим б'чува — «возвращенцы к вере». Эти религиозные ребята помогли ей устроить свадьбу в Москве и признать ее брак с Толей законным с точки зрения Галахи¹. И здесь, в Израиле, они обещают помочь; они утверждают, что ни от кого не зависят, у них собственные деньги и связи во всем мире. Конечно, она должна соблюдать все правила и установления, она должна верить в бога. Но почему бы и не верить? Ее Толя оказался заложником людей, в чьих руках неограниченная власть, над которыми земная сила не властна. Кто же, кто, кроме всевышнего, может помочь в ее безнадежном положении?

Авитель никогда больше не переступала порог дома в Кирьэ, отныне и навсегда она связала свою жизнь с религиозными кругами.

* * *

Добрый десяток лет не сходила со страниц самых крупных, самых влиятельных в мире газет и журналов фотография молодой женщины с глубоко посаженными глазами-вишнями. Если бы не эти скорбные глаза, если бы не эта нелепая косынка, если бы не эти строгие свитера и очень уж немодные юбки, ее можно было бы принять за кинозвезду. Впрочем, в те семидесятые-восьмидесятые известности и популярности Авитель Щаранской могли позавидовать многие кинозвезды. Тысячи встреч и бесед, интервью и выступлений, писем и обращений. Конференция еврейских женщин в Филадельфии и женщин-англиканок в Хоррагейте, массовый студенческий митинг в Сиднее и встреча с известным писателем в Нью-Йорке, интервью журналу «Тайм» и обращение к генеральному секретарю ООН — всюду, где только можно было замолвить слово о Толе, попевала Авитель. Трудно найти в западном мире хоть одного крупного политика, хоть одного премьер-министра или президента, кому бы не поведала Авитель о трагической судьбе Щаранского. Ее утешала Маргарет Тэтчер, ее внимательно выслушивал Франсуа Миттеран, ей пожимал руку Гельмут Коль, ее не раз и не два принимал Рональд Рейган. Она была неутомима, у нее не было ни кола, ни двора, она жила у знакомых, без имущества, без дум о быте, о маленьких человеческих радостях. При всем том она была полна оптимизма, ни на минуту не сомневаясь, что Толя будет освобожден, что Толя приедет в Израиль, к ней.

Не следует думать, однако, будто Авитель и сделала Щаранского Щаранским; она была важным звеном в той длинной цепи, что тянулась из тюрьмы в Чистополе в офисы западных политиков и редакции газет, но не менее важным было и первичное звено: мать Толи Ида Петровна Мильгром и его брат Леонид. Это они с помощью отказников и диссидентов добывали вести из Чистополя и передавали их Авитель. Мать и брат Щаранского вместе с другими отказниками не упускали случая встретиться с именитыми иностранцами в Москве, представляя, правда, отдельный случай — дело Щаранского.

И все же неизвестно, как долго пришлось бы тянуть Толю из тюрьмы даже с помощью столь мощных рычагов, если бы в самой стране не происходили — пока подспудно — глубокие перемены. В 1985 году Горбачев говорил еще только об «ускорении», а Шеварднадзе лишь прощупывал пути сближения с Западом. Впрочем, слухи о возможном освобождении Щаранского начали циркулировать с 1983 года, но дела закрутились позже, в преддверии женевской встречи Горбачева с Рейганом, которая должна была состояться в ноябре 1985 года. Из полуофициальных советских

¹ Галаха — нормативная часть иудейского вероисповедания.

источников поползли слухи: «Если встреча в верхах пройдет успешно, Сахарова и Щаранского обменяем». После женевской встречи двух лидеров в кругах, близких к канцлеру Колю, знали определенно: Горбачев хочет освободить диссидентов, но вынужден действовать осторожно, чтобы не спровоцировать партаппарат, не сорвать начинающуюся перестройку.

Оставалось ждать.

А в ГУЛАГе меж тем шла подготовительная работа. 26 декабря Толю перевели в тюремный госпиталь, начали давать витамины, делать уколы для улучшения сердечной деятельности. 22 января 1986 года его под конвоем отправили в Москву. И никаких объяснений: то ли новый процесс готовят, то ли какие-то показания потребуют, то ли... Утром 11 февраля его отвезли в аэропорт и посадили в самолет в сопровождении четырех(!) офицеров КГБ. «Куда мы летим, на Восток или на Запад?» Конвоиры демонстративно молчат. И Толя понял — на Запад. Лишь когда самолет начал приземляться, один из конвойных офицеров объявил Щаранскому, что уполномочен Верховным Советом СССР объявить ему, Щаранскому, что «за поведение, недостойное советского гражданина, он лишается советского гражданства и выдворяется из СССР».

Самолет приземлился в Восточном Берлине; у трапа ждал лимузин. И вот уже знаменитый мост Глинике, соединяющий две столицы, а, в сущности, два мира. Когда-то на нем встретились Гарри Пауэрс и Рудольф Абель, а сейчас должны встретиться четыре агента Восточного блока, арестованные в США, и четыре западных: трое западногерманских разведчиков и Щаранский. Правда американцы добились, чтобы Щаранского провели по мосту отдельно от других, с разрывом в пять минут...

Четыре шага через белую полосу, и «крестный ход» завершен; в ГУЛАГе Толя провел 3255 дней, из них 430 в карцере.

А во Франкфурте уже ждал специальный израильский самолет с врачом, с едой, с сюрпризом: в самолете была Авиталь! Только вот брюки забыли захватить, пришлось Мише Штиглицу уступить Толе свои. Так он и вышел к многотысячной толпе встречавших в аэропорту Бен Гурион — в брюках, волочащихся по земле, так он и обнимался с премьер-министром Шимоном Пересом, с министром абсорбции раввином Ицхаком Перецем, с обоими главными раввинами Израиля. Так он говорил по телефону с Рональдом Рейганом, пожимал руки депутатам Кнессета, друзьям, знакомым...

Не было в этом море людей одного человека — Нехемии Леванона.

4. Третий Израиль

Откуда пошла сионистская зараза по земле советской? Из Риги и Вильнюса. Оттуда еще в шестидесятые годы тонкой незаметной стружкой началась эмиграция в Израиль, оттуда пошел еврейский самиздат, там появились первые смельчаки-активисты. Они же в конце шестидесятых стали и первыми «русскими» в Израиле. Оказавшись на новой родине, кое-кто из активистов не захотел возвращаться к частной жизни; опыт борьбы в Советском Союзе, полагали они, дает им право претендовать если не на участие в большой политике, то уж наверняка в том, что называлось «борьба за советских евреев».

На пути этих устремлений встал Нехемия Леванон.

Конечно, активистов из Риги, как и других беженцев от советского режима, раздражали в Израиле красные флаги на Первое мая, смущало всеислие профобъединения Гистадрут, слово «социализм» выводило из равновесия. Ко всему прочему, рижане — по праву и без такового — причисляли себя к прямым наследникам рижского Бетара¹: в лице Нехемии Леванона они видели не государственного — пусть, плохого — чиновника, но идеологического врага. Нет, Нехемия не просто плохо делает свое дело, он делает его плохо сознательно, исходя из интересов «социалистов»; ведь алия из России грозит изменить соотношение сил между Маарахом и

¹ Бетар — аббревиатура (иврит): Союз Иосифа Трумпельдора — молодежная сионистская организация правой ориентации, созданная в Риге в 1923 г.

Херутом! Естественно, амбициозные рижане-бетаровцы оказались в партии Херут — под крылышком ее лидера Менахема Бегина, воспитанника, а затем и руководителя варшавского Бетара. Легко представить, что говорили они Бегину о «пресмыкательской» политике Маараха, о «саботаже» Лишкёй борьбы советских евреев, о Леваноне персонально. Бегин сочувственно кивал головой и разводил руками; он, дескать, всего-навсего лидер оппозиции; нужно тяжело работать, нужно свалить Маарах на выборы, и тогда...

«Тогда» наступило в 1977 году: на выборах в Кнессете девятого созыва блок Ликкуд получил большинство; Менахем Бегин стал премьер-министром, его сподвижники из числа русских бетаровцев не сомневались: руководство Лишкёй переходит в их руки!

Радовались они преждевременно.

Несмотря на репутацию «железного парня», Бегин был человеком сложным, противоречивым. Прежде всего он был интеллигентом старого фасона. (Когда в сентябре 1940 года энкавэдэшники явились в его квартиру под Вильнюсом, чтобы препроводить «врага народа» в Большой дом на проспекте Гедиминаса, Бегин сказал: «Подождите, господа, прежде я должен почистить туфли...») Он окончил юридический факультет Варшавского университета, был блестящим оратором и полемистом. Бегин слыл человеком чести и слова, но в политике не брезговал популизмом. Во имя создания еврейского государства он шел на то, что теперь называется словом террор, но в то же время был убежденным сторонником парламентской демократии. Он много сделал, чтобы на заре государства, особенно после потопления парохода «Альталена», умерить пыл своих вооруженных сторонников, предотвратить гражданскую войну внутри ишува. И еще Бегин, в отличие от многих западных политиков, прекрасно знал, что такое советский строй: давным-давно в воркутинском Печорлаге поставил ему диагноз: «бесчеловечная система, превращающая людей в рабов». Но не принимал он как своих и борцов с советским режимом. Если кто-то хотел заслужить расположение бывшего сталинского ээка пламенными антикоммунистическими речами, Бегин непременно осаждал оратора: «Это хорошо, что Вы не попались на удочку марксистов, но было бы лучше, если бы Вы с таким же пылом отстаивали интересы еврейского государства».

Думаю, что к евреям из СССР он относился с недоверием, но по другой, нежели Нехемия Леванон, причине. Советский, главным образом, лагерный опыт свел его с двумя типами тамошних евреев: с теми, кто верой и правдой служил режиму — следователями, чинами НКВД и ГУЛАГа, и с теми, кто, отслужив, попадал в жернова карательной машины. В своих воспоминаниях Бегин обратил внимание на то, что и на вершине успеха, и в пропасти падения души этих людей одинаково пусты, лексикон однообразен, индивидуальность заменена классовая, в сущности, уголовной моралью.

* * *

Итак, Ликкуд победил, свершилась революция, от которой в Израиле ждали многого. Каждый — своего.

Поздравляя Бегина с победой, русские ликкудники из его окружения с нетерпением спрашивали: когда же будем выгонять Нехемию? Ответ Бегина их обескуражил: «Зачем же выгонять, этому человеку я доверяю...» Выяснилось, что в течение многих лет Нехемия, переодевшись и наклеив бороду, посещал дом Бегина и докладывал ему о состоянии дел с русской анией. Верный солдат своей партии, он тем не менее отдавал себе отчет в том, что алия — дело общенациональное, и считал своим долгом информировать лидера оппозиции. Мораль у него была все-таки индивидуальная... Надо думать, что попутно Нехемия информировал Бегина и о его русских сподвижниках: кто из них и сколько лет провел на комсомольской (или аналогичной) работе, прежде чем объявить себя бетаровцем...

До сего дня многие в Израиле считают, что в 1977 году Бегин предал своих русских соратников, обманул ожидания русской общины. Верно, положение русских эмигрантов при Ликкуде ничуть не изменилось, скорее ухудшилось. Сделавшись премьером, Бегин назначил на должность министра по делам алии и абсорбции не рижанку Лею (Лиду) Словин, а... Давида Леви. Это выглядело абсурдом: Лея Словин имела высшее юридическое образование, слыла умницей, из Риги вырвалась в

1969 году, уже зная иврит. Давид Леви, строительный рабочий, не окончил даже школы, не служил в армии (в Израиле это большой минус для мужчины), плохо говорил на иврите, хотя его привезли из Марокко в 1957 году. Но Леви представлял марокканские шикуны¹ и так называемые города развития, жители которых — выходцы из арабских стран — уже составляли половину населения страны. Русские ликкудники, не понимавшие действительных проблем нашей страны и механизмов ее политической жизни, были уверены, что Ликкуд — одна из сторон в противоборстве «социализм — капитализм». В какой-то мере это было так, но к власти Бегина привели не менеджеры компьютерных фирм, банкиры и крупные предприниматели, а марокканские торговцы, знаменитый иерусалимский рынок Махане Йехуда, где этот «поляк» произносил пламенные речи о том, как «белые обездолили черных», загнали их в города развития, превратили в людей второго сорта. А в ответ тысячи людей с горящими глазами скандировали: «Менахем — мелах Исраэль!»². Бегин совершил революцию не столько в области социальной, сколько в области межобщинных отношений, что, впрочем, никак не умаляет ее значения. Революция Бегина предотвратила взрыв на этнической почве (в шестидесятые годы по стране уже расхаживали «черные пантеры» — безработные марокканские мальчишки, обещавшие перевернуть страну вверх ногами), в значительной мере ликвидировала сложившееся в социалистическом Израиле социальное неравенство, вывела выходцев из арабских стран из иммигрантского гетто на политическую сцену, в руководство армией, Гистадрудом и т.д.

В этом новом, третьем Израиле русские оказались за бортом.

Ну, а Нехемия Леванон? Его звезда клонилась к закату. Сын партии, он привык добиваться своего партийным словом. Если что не так, он стучал по столу: «Я ухожу в отставку, но партия разберется, партия тебе покажет...». «Я ухожу...» — не раз угрожал он и Бегину. Однажды старомодный интеллигент пожал плечами: «Сделайте одолжение...»

Предательство Бегина и разочарование политикой Ликкуда не остановило попыток русских израильтян добиться политического влияния и достойной роли на общественной арене. Созданная еще в 1976 году Федерация сионистов России продолжала добиваться приема во Всемирную сионистскую организацию, из еврейского самиздата выросли толстые и тонкие журналы, газеты, мемуаристика, публицистика, энциклопедия... Русская пресса, равно как и русские посиделки, ульпановские тусовки и тревога за оставшихся в России родных и близких сближали выходцев из России, заставляли их действовать сообща. Проверку на прочность русской общине предстояло выдержать в июне 1981 года, когда должны были состояться выборы в Кнессет десятого созыва. К этому времени всем было ясно, что и Ликкуд, и Маарах в равной мере заинтересованы в том, чтобы держать русских в эмигрантском гетто как можно дольше. Нужна была своя партия, нужен был свой человек в Кнессете.

А тут и кандидат подвернулся.

* * *

В 1979 году в Израиле появился Эдуард Кузнецов, один из героев «самолетного дела», которого приговорили к смертной казни, но через девять лет отпустили к жене в Израиль. Появление героя стимулировало политические амбиции активистов от алии. На скорую руку была создана русская партия Нес, которую возглавили бывший самолетчик Эдуард Кузнецов и бывший москвич Ефим Файнблом. Простая арифметика показывала, что, включившись в предвыборную гонку 1981 года, Нес может получить достаточно голосов, чтобы провести в Кнессет одного, а то и двоих кандидатов.

Операция по захвату Кнессета провалилась столь же оглушительно, что и угон самолета. Конечно, ходило много разговоров, будто Лишкá «составила заговор», будто другие партии беззастенчиво перекупали голоса русских избирателей. Что ж, дело обычное — политика: и в Лишкэ интриговали, и перекупили кое-кого из быв-

¹ Шикун (иврит) — квартал, район.

² «Менахем — мелах Исраэль» (иврит) — Менахем — царь Израиля.

ших активистов, но было и другое: готовясь к угону самолета, участники операции «Свадьба» забыли взять в компанию человека, который мог бы самолетом управлять; готовясь к выборам в парламент, лидер русской партии не удосужился выучить десяти слов на иврите или взять в компанию людей, пользующихся авторитетом не только в узком кругу....

Провал партии Нес окончательно развеял надежды русских выйти на общественную арену; Кузнецов уехал в Мюнхен на радио «Свобода», остальные «разошлись по домам»: началась застойная жизнь своей семьей, своим кругом, в своей общине. И вот тут-то выяснилось, что и без собственных представителей в Кнессете, и без влияния на политику жить можно совсем даже неплохо. Некогда ненавистная система абсорбции через два-три года оборачивалась за гроши приобретенной квартирой, новеньким японским автомобилем, ежегодными поездками за рубеж. Еще более важным оказался капитал, вывезенный с прежней родины: врачи становились врачами, инженеры — инженерами, учителя — учителями, писатели — чиновниками в банках. Постепенно стирался из памяти шок первых месяцев; «монстры»-чиновники подчас становились добрыми приятелями, с которыми можно было вспомнить «наши» времена, поругать новых «слишком требовательных» олим. Как-то само собой получалось, что еще недавно насмерть перепуганные, бледные и нелепо одетые эмигранты из России покрывались средиземноморским загаром, приобретали солидные жировые отложения и уверенность во взгляде, свойственную преуспевающим израильтянам. Таковыми, за редким исключением, становились те, кто рискнул в семидесятые годы встать в очередь в ОВИР, пройти все круги унижения и заплатить 500 рублей за розовую бумажку с дурацким названием «виза выездная обыкновенная». Через несколько лет многие из этих людей уже оставляли такую сумму на чай в ресторанах Тель-Авива, Реховота, Ришона или другого «респектабельного» города, где селились по-русски говорящие израильтяне.

Уходила в прошлое и Россия. Тревога за остающихся там знакомых и незнакомых отказников сменилась равнодушием — ведь все они теперь уезжали в Америку! Складывалось впечатление, будто русские в Израиле повторят судьбу немецких евреев. Образованные ечки — выходцы из Германии — приехали в Палестину еще в 30-е годы, но, так и не вписавшись в сионистско-социалистическое общество, держались своей общины, зато добились высокого уровня жизни, становились профессорами, инженерами и предпринимателями. Между русскими и немецкими евреями было, пожалуй, одно различие: за спиной немецких евреев остались лишь кладбища, за спиной русских — сотни тысяч собратьев, которые — бывают же чудеса! — когда-нибудь окажутся здесь, рядом.

Это когда-нибудь наступило раньше, чем думали даже те, кто верил в чудо.

* * *

Предвестник чуда явился 11 февраля 1986 года: Израиль встречал Натана Щаранского. В здании аэропорта собрался политический бомонд, летное поле заполнили толпы народа: люди пели, танцевали, размахивали флагами. Удивительно, но среди встречавших не видно было русских; вокруг самолета ликовали молодые парни в кипах, в таласах, кое-кто прихватил даже свитки Торы. Да и сам Щаранский счел нужным выйти из самолета в кипе. Русские наблюдали за всем этим по телевизору со смешанными чувствами: с радостью и сочувствием, но и с недоумением: они не могли припомнить, чтобы человеку из России устраивали столь пышный государственный прием. Конечно, Щаранский — герой и мученик, но его одиссея мало чем отличалась от судеб других узников Сиона¹, которые здесь, в Израиле, обивали пороги разных учреждений, чтобы выбить себе мизерные пенсии. Старожилы понимали: кто-то затеял большую игру вокруг этого парня. Но кто?

На заре сионизма, лет этак сто назад, главные раввинские авторитеты отвергли идею возрождения еврейского государства руками смертных: согласно Учению, государство народу Израиля должен вернуть Мессия. Основоположник сионизма Теодор

¹ Узник Сиона — полуофициальный статус, который присваивается в Израиле лицам, пострадавшим за сионистскую деятельность в других странах.

Герцль, эмансипированный венский еврей, не умевший даже сказать субботнее благословение, выделялся им большим еретиком, нежели правоверный еврей испанским инквизиторам. Авторитеты помельче — раввины-митнагдим¹ и тем паче хасидские цаддики² были смертельно напуганы сионистской заразой: молодые ребята и девушки уезжают в Палестину, днем работают на полях, ночью танцуют и поют у костров, о молитве и синагоге вовсе не думают; катастрофа, рушатся основы мироздания!

Катастрофы меж тем стали случаться все чаще, но вовсе не по вине сионистов: погромы, войны, революции, и снова войны, и снова революции. И более всего на востоке Европы, там, где только в одной Российской империи к началу века насчитывалось шесть миллионов еврейских подданных. Спасти можно было разве что бегством, и сотни тысяч бежали в Америку, Аргентину, Южную Африку. Кое-кто добрался и до Палестины. Ну а там, где евреи, там положено быть и их духовным пастырям; мало-помалу раввинские авторитеты изменили свое отношение к сионизму, повсюду в диаспоре возникли религиозные партии сионистского толка, а в подмандатной Палестине сложилась религиозно-административная иерархия — раббанут.

Бен Гурион держал раббанут в ежовых рукавицах. Лучше других он видел опасность, исходящую от синагоги. Новый человек, которого он мечтал создать, должен быть беззаветно предан Сиону, ему надлежит стать воином, киббуцником или рабочим на плантации. Ему некогда и незачем часами просиживать в синагоге; все это отдавало Галутом, отвлекало от главного. При всем том и сам Бен Гурион, и его сотоварищи-социалисты разделяли мнение, что еврейский народ сохранился благодаря религии. Конечно, был тут и политический расчет: в государстве, по замыслу его основателей, должен собраться «весь еврейский народ». Ну а что общего, кроме религии, у желтых йеменитов³, черных фалашей⁴ и бледнолицых литваков⁵? И раббанут терпели; ему на откуп отдали семейное законодательство: странным образом в социалистическом Израиле не оказалось места институту гражданского брака!

И религиозные круги в свою очередь лишь терпели светское государство, никогда в полной мере с ним не ассоциируясь, дожидаясь часа, когда можно будет заставить общество жить по законам Галахи. Время работало на раббанут: по мере того, как сионизм перекочевывал из сердец израильтян — прежде всего уроженцев страны — на флагштоки официальных учреждений, по мере того, как углублялся раскол между социалистическим прошлым и капиталистическим настоящим, религия начала играть все более заметную роль. Поворот наступил в 1977 году; от революции Бегина выиграли не только выходцы из арабских стран. Отныне, балансируя между правыми и левыми в Кнессете, мелкие религиозные партии получили возможность добиваться от правительств как Ликкуда, так и Маараха, разного рода уступок. Незначительные на первый взгляд, эти уступки медленно, но верно меняли характер израильского общества. У раббанута были все основания торжествовать.

Раввин Хаим Друкман считал, что торжествовать еще рано.

* * *

Я не помню, как звали раввина в нашем местечке, что учил меня, пятилетнего замухрышку, алеф-бет⁶. Я помню его глаза; они излучали свет. Мелкие шалости учеников огорчали его, крупные гадости членов общины ранили его сердце, но глаза его по-прежнему излучали свет. Его арестовали и обвинили в том, что он поджег штаб местной воинской части. Рассказывают, что, когда ему вынесли приговор — расстрел — он, почти не понимавший по-русски, спросил только, что такое штаб. Свет в его глазах не погас.

Быть может, это был свет Торы?

Глаза раввина Хаима Друкмана излучали огонь, которым он готов был испепе-

¹ Раввины-митнагдим — раввины ортодоксального иудаизма.

² Цаддики — главы хасидских общин.

³ Йемениты — йеменские евреи.

⁴ Фалашы — эфиопские (чернокожие) евреи.

⁵ Литваки — литовские и белорусские евреи.

⁶ Алеф-бет — еврейский алфавит.

лить каждого, кто осмелится нарушить букву Закона. А такие составляли большинство, и пока это было так, власть раббанута не была прочна. Рав Друкман это понимал, как понимал он и то, что сабру в синагогу не затащишь; рекрутировать под знамена Торы новых приверженцев можно было только из числа тех, кто приезжал из России.

Правда, первая волна советских евреев, прибывших в страну в начале семидесятых, не сулила раббануту ничего хорошего. Выросшие в атмосфере атеистического государства, эти люди, казалось, должны были изменить баланс сил в израильском обществе не в пользу религиозной его части. Тем не менее первые результаты работы миссионеров среди эмигрантов из СССР превзошли все ожидания. Мужчины без всякого нажима проходили процедуру обрезания, нееврейские жены — гиюр, русские евреи пополняли ешивы, вступали в религиозные партии, посещали просветительские центры. Кое-кто уходил в религию с головой.

Как такое могло случиться? Рав Друкман этого не знал, но причин было много. Одна из них — духовные поиски, начавшиеся еще в России. Если в шестидесятых годах еврейский интеллигент валом валил к священнику отцу Александру Меню, надеясь через религию приобщиться к русской духовности, то уже к середине семидесятых он почувствовал себя обманутым: крест на шее не отменял графы в паспорте, не делал его «своим». И вот этот же интеллигент уже мечется в поисках иной литературы, других наставников; он отпускает бороду, демонстративно отказывается от свинины... Да и в Израиле попытка заполнить духовный вакуум, преодолеть культурный шок привела в синагогу немало людей, которые до приезда сюда не имели представления ни об иудаизме, ни о религии вообще.

И все же основную массу русских, надевших в Израиле кипы разного цвета, отпустивших бороду, а то и пейсы, составили не те, кто искал бога. Мода на обрезание и гиюр наравне со сменой имен и фамилий была вызвана, увы, банальным приспособленчеством, причем вчерашние коммунисты, комсомольцы, всякого рода карьеристы оказались в первых рядах. И как не оказаться, если, скажем, какому-то провинциальному кандидату наук, ставшему «истово» верующим, перепадает «от бога» чек на крупную сумму для реализации проекта, признанного наукой несостоятельным. Как не примкнуть, если тебя, пьянчужку, пригтели в ешиве, дают на прокорм и требуют одного: не храпеть на занятиях. Как не примкнуть, если тебе помогают устроить детей в школу без наркотиков, приобрести квартиру, получить работу...

Был и еще один, чисто советский путь к богу. Путь этот лежал через тюрьмы и лагеря. Сколько людей разных возрастов, профессий, различного склада ума и характера приходили в ГУЛАГ атеистами, а выходили из него глубоко верующими! Самый известный из них — Александр Солженицын. Немало еврейских активистов, прошедших ГУЛАГ, вышли из него людьми глубоко, иногда фанатично верующими. Один из них — рижанин Иосиф Менделевич, тот самый, кто настоял на применении оружия во время операции «Свадьба», кто получил на процессе «самолетчиков» 15 лет лагерей и через десять лет был отпущен в Израиль. Это он, Менделевич, помог Наташе Штиглиц устроить религиозный брак с Щаранским, это он был ближайшим советником и опекуном Авиталь в течение всех лет, что она вела борьбу за освобождение мужа.

Само собой, путь к богу, если он не связан с соображениями конформизма, — дело тонкое, интимное, но трудно отделаться от мысли, что и путь Щаранского к иудаизму лежал через уральскую тюрьму и мордовский лагерь. Впрочем, каким бы ни был путь к богу выпускника физтеха, рав Друкман понимал: Щаранский — это величайшая находка. Вопрос стоял так: а не свернет ли бывший комсомолец, а затем правозащитник здесь, в Израиле, с пути истинного?

5. В гражданстве или в подданстве?

Статистика эмиграции в Израиль начиная с 1989 года потрясает воображение: 100 тысяч, 200 тысяч, 300 тысяч... Откуда взялись эти сотни тысяч? Ясно, люди бежали из страны; их гнал страх. Но и манила далекая Америка, куда они рассчитывали добраться по тропам, проложенным предшественниками. Почему же не добралась до благословенных берегов, почему оказались в Израиле? Секрета здесь нет: в течение многих лет Израиль добивался, чтобы в США перестали принимать людей,

выезжающих из СССР по израильским визам. В Вашингтоне не уступали; коль скоро права людей в СССР нарушаются, Америка считает своим долгом принимать бывших советских, каким бы способом они из той страны ни выбрались. Но как только стало ясно, что железный занавес пал, Вашингтон отменил привилегии для людей с израильской визой. В России многие тогда посчитали это верхом политического цинизма; когда мы были нужны, чтобы расшатывать советский режим, Америка нас принимала, когда же этот режим пал, американцы захлопнули двери перед нашим носом.

Тот факт, что 650—700 тысяч бывших советских евреев выехали из своих стран без борьбы за ту самую пресловутую визу, а в Израиле оказались вынужденно, без сантиментов к еврейскому государству и без малейшего представления об этой стране, сильно отличает этих людей от тех, кто приезжал сюда в 70—80-е годы. Еще больше их отличает другое: за спиной у новых русских израильтян нет пустоты, нет того железного занавеса, что опускался за их предшественниками, как только те пересекали советскую границу. (Помню, в 1981 году у известного московского отказника Александра Лернера умерла жена; его дочери, жившей к тому времени в Израиле, пришлось поднять на ноги чуть ли не весь мир, включая президента США, чтобы попасть в Москву на похороны матери. Прошло более десяти лет, мне довелось смотреть московское телевидение, где известный эстражник Геннадий Хазанов отпускал шутки в адрес красно-коричневых. «А ты не боишься?» — крикнул кто-то из зала. Хазанов сунул руку в карман брюк, достал какую-то бумагу и стал размахивать ею над головой: «Вот это видели? Израильский паспорт видели? Вот вам!» У меня захватило дух — сейчас зал засвистит и затопает, а Хазанова выведут под белые руки. Зал заплодировал...)

Прошло еще немного времени, и никто уже не удивлялся, когда в Израиль поначалу отправлялись в качестве туристов; присматривались, принимались, а решив уехать «на постоянное жительство», оставляли за собой прежнее гражданство, часто квартиры и бизнес. И в России уже никто не удивлялся наплыву русскоговорящих израильтян, израильских актеров, музыкантов, спортсменов... Жить в Израиле, зарабатывая в России, жить в России, обучая в Израиле детей, держа там квартиру или сохраняя деньги, стало обычным делом. Конечно, кое-кто из бывших русских, не сумев устроиться в Израиле, уже вернулся домой. С другой стороны, какая-то часть израильских «новых русских» вошла в израильскую работу, втянулась в местную жизнь. Большинство же русских израильтян с паспортами, выданными после 90-го года, все еще не решили, какой из них важнее: синий или красный? Да они еще долго не смогут решить этот вопрос, ибо многое будет зависеть от того, как пойдут дела в России. Не станем гадать, какая тенденция возьмет верх в той стране, равно и какая часть бывших русских вернется на прежнюю родину; ограничимся констатацией факта: четвертый, русский Израиль уже состоялся!

* * *

Что известно об этом государстве?

Что там на каждом шагу говорят по-русски, что там не счесть русских газет, русских фирм и русских товаров. Что там есть русский театр, русское телевидение, страна наводнена гастролерами из России. Что чуть ли не каждый программист, врач и инженер — из России. Что там, на олимовском счету Паттах¹, хранятся — так говорят! — миллиарды «русских» долларов. Что на выборах 1996 года русский Израиль провел в Кнессет семерых своих представителей, причем двое из них получили министерские портфели. Все это впечатляет, но не дает ответа на вопрос: что ждет русский стан, который раскинул свои шатры во все стороны от Стены Плача; растворится ли он бесследно в израильском царстве или станет источником обновления, началом новых ветров, что задуют на холмах Иерусалима?

Сто лет назад на переломе века на просторах Российской империи гигантский социальный вулкан извергал лаву, докатившуюся до далекой турецкой провинции Палестины. Частичка этой лавы — российские евреи были заряжены неслыханной

¹ Паттах — специальный счет в израильских банках для новых иммигрантов, на котором они могут хранить средства, привезенные из страны эмиграции.

энергией, одержимы фантастическими идеями; они готовы были переделать мир, перекроить географию, переписать историю. Они презирали радости бытия, они готовы были пожертвовать собой ради светлого будущего. Принято считать, что этой энергии и этой идеологической одержимости достало на то, чтобы построить целое государство. Это, пожалуй, преувеличение; еврейское государство обязано своим рождением многим обстоятельствам, часто лежавшим вне сионизма, вне еврейского даже мира. Не будь второй мировой войны и гибели шести миллионов евреев, о kibbutznиках в Палестине сегодня в мире знали бы столько же, сколько знают о еврейских гаучо в Аргентине¹. Конечно же, евреи из России заложили немало камней в фундамент будущего государства; именно они построили на этом фундаменте тот самый социализм с местечковым лицом, изжить который страна пытается по сей день. Конечно же, выходцы из старой России не жалели сил, пота и крови, чтобы отстроить и защитить страну.

Ну а что привезли в государство Израиль внуки и правнуки его основателей?

Минимальный заряд социальной энергии, политическую инфантильность, отвращение к общественной деятельности, невежество по части свободно-рыночной экономики и связанный с этим страх перед участием в жизненной борьбе «один на один». По своему социокультурному типу российские евреи из «закваски революции» при Ленине, «второй интеллигенции мира» при Сталине и Хрущеве превратились в обывателей, замкнутых на самих себе, озабоченных приобретательством, устройством быта и т.п.

Исключение составила небольшая группа, чей багаж был бесценен.

Перед тем, как уйти с исторической сцены, советское государство подарило миру выдающуюся личность — Андрея Дмитриевича Сахарова. Конечно, не Сахаров избрал слова «права человека», но он превратил этот абстрактный юридический норматив международного права в социально-политическую концепцию, которая в XXI веке — будем надеяться — вытеснит все «измы» века предыдущего: социализм, капитализм, национализм и прочее.

Всевышнему было угодно поставить первые эксперименты с новой концепцией в России и, что бы ни говорили о теперешнем положении в этой стране, опыт с правами человека здесь удался. Удался в том смысле, что национальный консенсус, стихийно сложившийся в этой стране, предусматривает право на существование партий правых и левых, фильмов голливудских и мосфильмовских, мнений частных, заводов государственных, банков акционерных, крестов, полумесяцев, сексуальных меньшинств, сектантов и т.д. Но когда все это было далекой мечтой, в числе сподвижников Сахарова по диссидентскому движению было немало тех, кто позже оказался в Израиле. Им-то и был дан шанс попытаться решить главную проблему страны — еврейско-арабскую — так, как до них на Востоке решать проблемы было не принято.

* * *

10 ноября 1986 года израильские газеты опубликовали сенсационное сообщение: знаменитый сионист и не менее знаменитый правозащитник из России Натан Щаранский встретился в Иерусалиме с популярным арабским лидером Фейсалом Хуссейни. Речь шла о редакторе газеты «А-Ша'аб» Акрима Ханийе, которого власти обвинили в симпатиях к ООП, после чего выписали ордер на его депортацию из страны. Хуссейни, по его словам, сказал Щаранскому, что депортация человека за политические убеждения является нарушением прав человека, и просил содействовать тому, чтобы это решение не приводилось в исполнение. Как сказал Хуссейни, он увидел в Щаранском «великого человека, который способен смотреть сквозь политические и религиозные барьеры».

Помню, как взбудоражилась тогда наша общественность; одни решили, что Щаранский в самом деле герой, который явился, чтобы совершить подвиг: примирить арабов и евреев. Другие, напротив, закричали: «Караул, предательство!» Самый черный человек в стране (по меркам того времени), лидер правоклерикальной партии

¹ К 1914 году из Российской империи в Аргентину эмигрировало более 100 тысяч евреев, которые частично селились в с.-х поселениях фермерского типа.

Мораша раввин Хаим Друкман потребовал публичных извинений. И вот в среду 12 ноября в вечерней телевизионной передаче изумленные израильтяне увидели на экранах своих телевизоров Щаранского, который зачитывал по бумажке «разъяснение» по поводу встречи с арабскими лидерами. Тонем провинившегося школьника Щаранский объяснял телезрителям, что не знал, будто палестинская «делегация» ассоциирует себя с ООП; знай он это заранее, встреча никогда бы не состоялась. Многие были удивлены и разочарованы; рав Друкман торжествовал: отныне в этом человеке он может не сомневаться!

Конфуз с Щаранским отбил у других бывших российских диссидентов желание пересадить на израильскую почву великое сахаровское изобретение.

Что еще можно отыскать в багаже новых русских израильтян? Политические амбиции? Пожалуй; но не в смысле претензий на переустройство политики, экономики или социальной жизни; из постсоветской России эти люди вынесли представление о политической жизни как о борьбе кланов, борьбе «наших» и «ваших». Если старожилы из русских голосуют, как правило, исходя из того, как та или иная партия относится к миру с арабами, какова ее налоговая политика и т.д., то новые русские считают, что голосовать нужно «за своих»: глядишь, что-то и тебе перепадет! Эти люди, ничего не знающие о проблемах страны, и привели «своих парней» в Кнессет на выборах 1996 года.

Успех русской партии «Алия и Израиль» вызвал в русском граде эйфорию, придал силы многим его обитателям, способствовал переходу многих из них в разряд граждан. Но эйфории быстро проходят, и русские в Израиле скоро убедятся, что подсластить горькую пилюлю эмигранта не поможет никто, даже «свой парень» в министерском кресле. Им, как когда-то их предшественникам, предстоит убедиться, что успех эмигранта зависит от экономической ситуации в стране, от того, насколько разумен курс ее руководства. (Если жесткая линия нынешнего премьера Натаниягу приведет к возобновлению интифады или к войне с Сирией, станет ли легче русским израильтянам оттого, что семь депутатов Кнессета говорят по-русски?) Новым русским израильтянам скоро предстоит убедиться, что их судьба зависит прежде всего от них самих, от того, сколько сил, энергии и изобретательства готовы они положить на алтарь успеха. Они увидят, что главную роль в их жизни сыграет багаж, привезенный из России или оставленный там на хранение.

* * *

Как и положено журналисту со стажем, я написал множество статей. Статьи свои не храню, стараюсь о них не вспоминать. И знаю, почему: боюсь, будет стыдно. Уж очень я любил делать прогнозы, строить схемы, давать советы. Прогнозы мои не сбывались, схемы ломались при первом же соприкосновении с действительностью, рассуждения по прошествии времени, надо думать, выглядят наивно, а то и смешно. Но вот совсем недавно попалась мне на глаза пожелтевшая вырезка из газеты Ма'арив от 29 апреля 1974 года. Сохранилась она, возможно, потому, что была первой моей публикацией в этой престижной израильской газете. Перечитал ее и, к удивлению, обнаружил: это я тогда напроорочил цифру в один миллион, что приедет в Израиль из Советского Союза до конца столетия. Угадать-то я угадал, но это меня не обрадовало; давно, уже очень давно интересует меня вопрос не «сколько?», а «зачем?».

Когда Господь решил рассеять нас по свету, он ясно дал понять, зачем это делает. Много раз я задавал ему вопрос: для чего Ты вывел нас из земли русской в землю израильскую?

Никто не отвечает.

Январь 1997 г.